

INSPIRIA

УДАЧНЫЙ БРАК

КИМБЕРЛИ
МАККРЕЙТ

INSPIRIA

Ток. Слишком близко. Семейные триллеры

Кимберли Маккрейт

Удачный брак

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Маккрейт К.

Удачный брак / К. Маккрейт — «Эксмо», 2020 — (Ток.
Слишком близко. Семейные триллеры)

ISBN 978-5-04-174133-4

Давнего друга Лиззи обвиняют в убийстве жены, и только она, как юрист, может помочь ему избежать обвинения. Поддавшись его просьбам, она берется за дело, хотя по-настоящему не уверена в его невиновности и ненавидит работать с криминалом. Более того, у самой Лиззи есть пара мрачных секретов, о которых не должна знать общественность, и которые могут всплыть, если она не будет осторожна. И чем больше Лиззи погружается в запутанную историю убийства, которое произошло после легкомысленной светской вечеринки, тем больше тревожных параллелей она проводит с собственной жизнью. Вскоре под угрозой оказываются ее репутация, карьера и отношения с мужем. Никому и ничему нельзя верить, Лиззи всегда это знала. Но раз за разом она совершает эту ошибку. «Захватывающая история, которая разворачивается с головокружительной скоростью». — Тейлор Дженкинс Рейд, автор бестселлера «Семь мужей Эвелин Хьюго» «Персонажи Кимберли Маккрейт имеют внешне идеальную жизнь, однако их величайшее мастерство — сокрытие за блестящими фасадами адюльтеров, запрещенных веществ и личного и финансового краха...» — New York Times Book Review «Восхитительная история с интригами, предательствами и убийством». — People

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174133-4

© Маккрейт К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Лиззи	8
Свидетельские показания перед большим жури	13
Аманда	15
Лиззи	20
Крелл Индастрис	32
Аманда	33
Лиззи	38
Свидетельские показания перед большим жури	46
Аманда	48
Лиззи	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кимберли Маккрейт

Удачный брак

Посвящается Тони.

Начало всегда хорошее.

Важно то, чем все заканчивается.

Любовь никогда не умирает своей смертью.

Анаис Нин. Четырехкамерное сердце

Kimberly McCreight
A GOOD MARRIAGE

Copyright © 2020 by Kimberly McCreight

Фотография на переплете:
© Javier Diez / Stocksy United / Legion Media.

Перевод с английского *Натальи Власовой*

© Власова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Я никогда не хотел, чтобы это произошло. Глупо говорить такое. Но это правда. И очевидно, что я никого не *убивал*. И никогда не стал бы. Ты знаешь это. Ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было.

Допустил ли я ошибки? Определенно. Я лгал. Я был эгоистичным. Я обидел тебя. Об этом я жалею больше всего на свете. Что я причинил тебе боль. Потому что я люблю тебя больше всего на свете.

Ты же это знаешь, правда? Что я тебя люблю?

Я надеюсь. Потому что не могу думать ни о чем другом. А в одиночной камере у тебя так много времени, чтобы подумать.

(Не волнуйся. Мой язык привел меня в «ящик». Так тут называют одиночную камеру. В общей камере слишком шумно. Всю ночь напролет кто-то бубнит, кричит, спорит и бормочет какую-то чушь. Если ты попадаешь сюда в здравом уме, то в итоге слетаешь с катушек. Но я не псих. Я знаю, что и ты это знаешь.)

Объяснения. Они что-нибудь изменили бы? Могу для начала хотя бы начать с ответа на вопрос «почему?». Потому что все это оказалось куда труднее, чем я ожидал – брак, жизнь. Все это.

Вначале все так просто. Встречаешь кого-то классного, умного и забавного. Кого-то, кто лучше тебя, по крайней мере в чем-то, и вы оба это знаете. Влюбляешься. Но еще сильнее влюбляешься в его или ее представления о себе. Чувствуешь, что тебе повезло. Потому что тебе *и правда* повезло.

Проходит время. Вы оба слишком сильно меняетесь. При этом сам ты остаешься почти тем же. Правда выплывает наружу, и горизонт темнеет. В итоге вы оба оказываетесь рядом с человеком, который видит вашу настоящую суть. Рано или поздно ваша половинка поднимет зеркало и заставит вас посмотреть на себя.

Кто, черт побери, смог бы с этим существовать?

Поэтому вы делаете все возможное, чтобы выжить. И начинаете искать новую пару глаз.

Лиззи

6 июля, понедельник

Солнце садилось все ниже в лесу небоскребов за окнами моего офиса. Я представляла, что сижу за столом, пока вокруг сгущается тьма. Интересно, поглотит ли сегодня она меня целиком. Как же я ненавидела этот идиотский офис.

В высотке напротив зажегся свет в одном окне. Скоро зажжется в другом, потом в третьем. Люди работали, люди жили. Учитывая все обстоятельства, стоит признать, что я в очередной раз задержалась после окончания рабочего дня. Наконец я потянулась к выключателю и включила свет у себя.

В маленьком круглом пятне света – нетронутый ланч, который утром собрал для меня Сэм. Индейка с перцем по особому рецепту и швейцарский сыр на правильном ржаном хлебе с морковью, поскольку Сэм обеспокоен, причем весьма справедливо, что у меня нехватка витаминов. Он упаковывает мне ланч все одиннадцать лет, что мы живем в Нью-Йорке – восемь из них в браке, – даже в те дни, когда ничего не берет с собой.

Я нерешительно отодвинула контейнер с ланчем и посмотрела на время на компьютере. Семь часов семнадцать минут. Не так уж и поздно, но в нашей конторе «Янг & Крейн» время для меня всегда ползет еле-еле. Я сгорбилась, пытаясь сосредоточиться на довольно невнятном письме в Министерство юстиции, которое правила для еще одного старшего юриста с полным отсутствием опыта в уголовных делах. Наш клиент – производитель аккумуляторов для мобильных телефонов. В отношении нескольких членов правления ведется расследование по поводу разглашения инсайдерской информации третьим лицам. Обычное уголовное дело для подобной компании: неожиданная загвоздка для ранее существовавшего корпоративного клиента.

У «Янг & Крейн» нет конкретной программы ведения процессов по экономическим преступлениям. Вместо нее у нас есть Пол Гастингс, бывший шеф нью-йоркского управления по борьбе с организованной преступностью и преступлениями против личности. А теперь вот и я. Пол трудился до меня в прокуратуре и близко общался с моей наставницей и боссом Мэри Джо Браун, которая четыре месяца назад настояла, чтобы Пол нашел мне работу в этой конторе. Вообще-то Пол был впечатляющей фигурой, известным юристом с многолетним опытом, но в «Янг & Крейн» он всегда напоминал мне недавно вышедшую в тираж скаковую лошадь, которая отчаянно жаждет, чтобы ворота с треском открылись по сигналу еще один последний раз.

«Эм энд эмс». Вот что мне нужно, чтобы покончить с этим письмом, которое, несмотря на все мои потуги, так и оставалось тремя неубедительными абзацами уклончивых витиеватых фраз. Шоколадные драже лежат в этой многолюдной конторе почти в каждом шкафу с закусками – дополнительный бонус, чтобы облегчить каторжный труд любителей поработать по ночам. Я собиралась было отправиться за конфетами, как на экране телефона всплыло оповещение о новом письме, которое пришло по электронной почте. Я специально положила телефон на дальний край стола, чтобы он меня не отвлекал. Это было письмо на мой личный ящик от Милли, тема «Позвони мне!». Уже не первое за прошедшую пару недель. Обычно Милли не проявляла подобной настойчивости, но прецеденты бывали. Это не обязательно означало, что дело и правда не терпит отлагательств. Я провела пальцем по экрану, перемещая сообщение в папку «Старые письма», даже не открыв. В конце концов я обязательно прочту это и предыдущие письма Милли, как всегда бывает, но не сегодня.

Я все еще не сводила глаз с мобильного, когда начал трезвонить рабочий телефон. Уже по одной только мелодии я поняла, что звонят на мой прямой номер, но не из конторы, а извне. Наверное, Сэм. Не так уж много людей знают мой новый рабочий телефон.

– Вам поступил телефонный звонок за счет абонента из исправительного учреждения города Нью-Йорк от заключенного по имени... – произнес механический голос, после чего повисла бесконечно долгая пауза.

Я затаила дыхание.

– Зак Грейсон, – произнес человеческий голос.

Затем снова заговорил робот:

– Если вы согласны взять на себя расходы, нажмите «один».

Я с облегчением выдохнула. Но Зак... Ничего не понимаю! Стоп, это Зак Грейсон, с которым мы вместе учились на юрфаке в Университете Пенсильвании? Я не вспоминала о нем по меньшей мере пару лет после того, как прочла об успешном логистическом стартапе ЗАГ, которым он управлял в Пало-Альто. Эта фирма предлагала эквивалент премиального членства многочисленным маленьким компаниям, пытаясь соревноваться с «Амазоном». Перевозки – не ахти как гламурно, но явно прибыльно. Но мы с Заком не общались с самого выпускного. Механический голос повторил инструкции, предупредив, что время на исходе. Я нажала «единицу», чтобы принять звонок.

– Это Лиззи.

– Слава богу! – дрожащим голосом выдохнул Зак.

– Зак, что происходит... – Задать подобный вопрос значило допустить промах с профессиональной точки зрения. – погоди, не отвечай. Эти звонки записываются. Ты же в курсе, да? Если ты звонишь мне как юристу, то не стоит думать, что это конфиденциально.

Даже искушенные юристы порой до смешного тупы, когда сами решают свои юридические проблемы. А в криминальных делах и вовсе никуда не годятся.

– Мне нечего скрывать, – сказал Зак. Так говорят все юристы, которые обнаружили себя не на той стороне закона.

– С тобой все нормально? – поинтересовалась я. – Давай начнем с этого.

– Ну, я в Райкерсе, так что... – негромко произнес Зак. – Бывало и получше.

Я с трудом могла себе представить Зака в Райкерсе, тюрьме, которая разрослась настолько, что занимала целый собственный остров. Это безжалостное место, где содержались члены банды «Латинские короли», убийцы-садины, но рядом мог ждать суда и парень, толкнувший пакетик травы за десятку. Зак отнюдь не был воротилой преступного мира. Он всегда казался мне... как бы это выразиться... мягкотелым. Его на части разорвут в Райкерсе.

– В чем тебя обвиняют? Мне нужны только формулировки обвинения, а не детали того, что там произошло.

Очень важно не предавать огласке ничего, что инкриминировано, и об этом слишком легко забыть. Однажды у нас все обвинение строилось на одном-единственном записанном звонке из тюрьмы.

– Нападение на офицера полиции. – В голосе Зака слышался стыд. – Это вышло случайно. Я был расстроен. Кто-то схватил меня за руку, а я дернулся и попал офицеру локтем в лицо, отчего у него из носа пошла кровь. Мне очень жаль, но я не нарочно. Я даже не знал, что он стоит позади меня.

– Это случилось в баре?

– В баре? – озадаченно переспросил Зак, и мои щеки зарделись. Странный вопрос. Проблемы у большинства людей начинаются отнюдь не в баре. – А! Нет, не в баре. Это случилось в нашем доме в Центр-Слоуп.

– Центр-Слоуп? – По соседству с нами, ну, или почти по соседству. Технически мы жили в Сансет-Парк.

– Мы переехали в Бруклин из Пало-Альто четыре месяца назад, – сказал он. – Я продал свою компанию и полностью отошел от дел. Тут я запускал новый проект. Совершенно новая территория. – Его голос напрягся.

Зак всегда был таким, слегка чудаковатым. Моя соседка по комнате в общежитии Виктория называла его «долбанутым», а то и похуже, когда была не в духе. Но лично мне Зак нравился. Да, он был ботан, но надежный, умный, он умел слушать и не боялся рубить правду-матку. Еще он был одержим учебой, как и я, и меня это радовало. Но у нас было и еще кое-что общее. Когда я поступила в Пенсильванский университет, то только-только выкарабкивалась из горя, поскольку в старшей школе лишилась обоих родителей. У Зака умер отец, и он понимал, каково это – тянуть себя вперед самому. На нашем юрфаке не все это осознавали.

– Я живу в Центр-Слоуп, – подала я голос. – На углу Четвертой авеню и Восемнадцатой улицы. А ты?

– Монтгомери-Плейс, между Восьмой авеню и Проспект-Парк-Уэст.

Ну конечно. Единственный раз я ходила в эту дорожную часть Центр-Слоуп, чтобы прицениться (и только лишь) к продуктам на таком же дорожном фермерском рынке на Гранд-Арми-Плаза.

– Что полиция делала у тебя дома? – спросила я.

– Моя жена... – Зак осекся. Он молчал довольно долго, а потом продолжил: – Аманда лежала у подножия лестницы, когда я вернулся домой. Это было очень поздно. Мы в тот вечер ходили на вечеринку к соседям, но вернулись по отдельности. Аманда ушла домой раньше, а когда я вошел... Господи! Все было залито кровью, Лиззи. Просто море крови. Честно говоря, меня чуть не вывернуло наизнанку. Я с трудом заставил себя проверить ее пульс. Гордиться особо нечем. Что я за мужик, если так испугался вида крови, что не бросился на помощь собственной жене?

Его жена мертва? Вот черт!

– Мне очень жаль, – выдавила я.

– Но я заставил себя набрать 911, – продолжал он. – Потом попробовал сделать искусственное дыхание... но она уже умерла, Лиззи, и я понятия не имею, что с ней произошло. Я так и сказал полиции, но они не стали меня слушать, хотя это именно я их вызвал. Думаю, все из-за того парня в костюме. Он буравил меня взглядом из угла комнаты. Но от Аманды меня попытался оттащить другой детектив. Она лежала там на полу, и я не мог просто взять и уйти... – Его голос снова дрогнул. – Прости, но твой голос – первый дружелюбный голос, который я слышу. Честно говоря, мне трудно уложить случившееся в голове.

– Это понятно, – ответила я. И правда понятно.

– Неужели они не видели, в каком я состоянии? Стоило бы дать мне минуту прийти в себя.

– Стоило бы.

Тот факт, что полицейские не дали Заку очухаться, не сулил ничего хорошего. Наверняка полиция заподозрила, что Зак ответственен за смерть жены. А лучше всего контролировать потенциального подозреваемого, заперев его в тюрьме за менее серьезное правонарушение.

– Мне правда нужна твоя помощь, Лиззи, – произнес Зак. – Мне нужен хороший... даже нет, *отличный* адвокат.

Не в первый раз бывшие однокашники звонили мне за помощью в уголовных делах. Очень непросто найти высококлассного защитника, и мало кто из выпускников юрфака Пенсильванского университета занимается уголовным правом. Но обычно это всякая ерунда: вождение в нетрезвом виде, хранение мелких доз наркотиков, экономические преступления. И всегда для родственников и друзей. Но никогда они не просили о помощи для себя и уж точно не называли из Райкерса.

– С этим я точно тебе смогу помочь. У меня есть несколько знакомых адвокатов...

– Знакомых? Нет, нет. Мне нужна *ты*.

Положи гребаную трубку.

– Ой, я тебе совершенно не подхожу. – Слава богу, это абсолютная правда. – Я только недавно начала работать защитником, а весь мой опыт ограничен экономическими...

– Прошу тебя, Лиззи. – В голосе Зака сквозило ужасающее отчаяние. Но он был миллионером, и ему на выручку готовы были броситься уймы адвокатов. Почему я? Если подумать, мы с Заком отделились задолго до выпуска. – Мы же оба знаем, что происходит? Мне скорее всего придется сражаться не на жизнь, а на смерть. Ведь обычно все заканчивается тем, что обвиняют мужа. Нельзя, чтобы в этот момент рядом со мной стоял какой-то хлыщ в костюмчике. Мне нужен кто-то, кто понимает, кто знает меня. Кто-то, кто сделает все возможное и невозможное. Мне нужна именно ты, Лиззи.

Что ж, я ощутила прилив гордости. Я всегда была в хорошем смысле амбициозной до ужаса. Это моя основная характеристика. Я определенно не могла считаться самой умной ни в Стэвисент Хай Скул, ни в Корнелле, ни на юрфаке в Пенсильванском. Но не было никого, более сосредоточенного на учебе. Родители научили меня безыскусной решимости. Особенно папа, это правда. Наше усердие сослужило и мне, и отцу одинаковую службу: оно стало той веревкой, за которую мы неоднократно вытягивали себя из трясины, но на ней же нас могли и вздернуть.

Я все равно не собиралась брать дело Зака.

– Мне лестно слышать комплимент, Зак. Правда. Но тебе нужен адвокат, у которого больше опыта в защите подозреваемых в убийстве и правильные завязки в бруклинской прокуратуре. У меня нет ни того ни другого. – Все так и есть! – Но я смогу найти тебе великолепного адвоката. Кандидат придет к тебе прямо утром, до того, как предъявят обвинения.

– Слишком поздно. Мне уже предъявили обвинения. И отказались выпускать под залог.

– Ох. – Видимо, его арестовали раньше, чем я думала. – Это несколько удивительно, когда человека обвиняют в нападении на полицейского.

– Нет, если они считают, что я убил Аманду, – сказал Зак. – Это следующий шаг, да?

– Не исключено, – согласилась я.

– Наверное, стоило позвонить тебе до того, как мне предъявили обвинения. Но я был так... шокирован происходящим. Мне выделили государственного защитника. Довольно приятный парень и даже, кажется, вполне компетентный. Определенно радеет за результат. Но если быть совсем уж честным, то я был в прострации во время слушаний. Словно бы притворялся, что ничего этого не случилось и быть такого не может. В итоге я выглядел полным придурком, я знаю.

Вот тут я могла бы расспрашивать его о подробностях. Когда его арестовали? В какой именно последовательности происходили события тем вечером? Все эти вопросы задаст Заку адвокат. Но я-то не его адвокат и меньше всего хочу, чтоб он меня в это втягивал.

– Это обычная человеческая реакция, – вместо этого сказала я. По моему опыту, когда тебя обвиняют в преступлении, с катушек слетают и самые здравомыслящие люди. А если обвинение ложное? Даже хуже.

– Мне нужно выбраться отсюда, Лиззи, – испуганно проговорил Зак. – Немедленно.

– Не волнуйся. Какова бы ни была стратегия обвинения, тебя не смогут держать в Райкерс по обвинению в нападении на полицейского, ни при каких обстоятельствах. Найдем тебе подходящего адвоката, и прошение о залоге удовлетворят.

– Лиззи, – взмолился Зак. – Ты и есть подходящий адвокат.

О нет. Я неподходящий адвокат без нужных связей. И не случайно я никогда не бралась за дела об убийствах и впредь не планировала. Но даже если оставить эти доводы в стороне, моя жизнь и так уже вышла из-под контроля, и меньше всего мне нужно было участвовать в балагане вокруг моего давнего приятеля, а ситуация, в которую угодил Зак, напоминала именно это, если уж на то пошло.

– Зак, прости, но я...

– Лиззи, прошу тебя, – прошептал он, и теперь в его голосе явственно звучало отчаяние. – Честно говорю, я в ужасе. Можешь ты хотя бы меня навестить? Чтобы мы просто поговорили.

Черт. Я не собираюсь представлять интересы Зака ни под каким соусом. Но у него погибла жена, а мы раньше дружили. Может, мне и впрямь стоит его проведать. Наверное, Заку будет легче принять, почему я не могу быть его адвокатом, если я скажу это ему в лицо.

– Ладно, – наконец процедила я.

– Отлично! – Зак явно испытал огромное облегчение. – Сегодня? Посещения разрешены до девяти.

Я посмотрела на часы. Семь часов двадцать четыре минуты. Надо пошевеливаться. Я снова взглянула на черновик письма, вызывающий с экрана моего компьютера, а потом подумала о Сэме, который ждет меня дома. Мне не придется задерживаться в офисе. Может, одной только этой причины достаточно, чтобы рвануть навещать Зака в Райкерсе.

– Еду, – сказала я.

– Спасибо, Лиззи! – воскликнул Зак. – Спасибо!

Свидетельские показания перед большим жюри

Люси Дельгадо вызвана в качестве свидетеля шестого июля, подверглась допросу и дала следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Миссис Дельгадо, спасибо, что согласились дать свидетельские показания.

О: Меня вызвали повесткой.

В: Спасибо, что пришли по повестке. Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, второго июля этого года?

О: Да.

В: А как вы там оказались?

О: Меня пригласили.

В: Кто вас пригласил?

О: Мод Лагё.

В: А как вы познакомились с Мод Лаг?

О: Наши дочери несколько лет назад учились в одном подготовительном классе в Грейс-Холл.

В: Эта вечеринка проводилась ежегодно или нет?

О: Я не знаю.

В: Не знаете?

О: Нет.

В: Давайте перефразирую. Вы бывали на такой вечеринке в предшествующие годы?

О: Да.

В: И что там происходит?

О: Ну... все общаются, едят, выпивают. Это же вечеринка.

В: Вечеринка для взрослых?

О: Да. Детей не приглашали. В любом случае большинство из них разъехались по всяким летним лагерям и тому подобное. В этом смысл вечеринки. Подразумевается ночевка, понятно?

В: Понятно. Имеют ли место половые контакты на подобного рода вечеринках?

О: Что?

В: Кто-то занимается сексом во время вечеринки?

О: Понятия не имею.

В: Вы под присягой. Вы ведь это помните, да?

О: Да.

В: Задам вопрос еще раз. Имеют ли место половые контакты во время таких вечеринок с ночевками на Первой улице, 724?

О: Да. Но не половые... Зачем заниматься сексом на полу? Там есть кровати.

В: У вас когда-либо был половой акт во время таких вечеринок?

О: Нет.

В: А какие-либо сексуальные контакты?

О: Были.

В: С вашим мужем?

О: Нет.

В: С чьим-то чужим мужем?

О: Да.

В: Остальные тоже участвовали в подобном?

О: Иногда. Но не все и не всегда. Ничего серьезного.

В: То есть обмен партнерами не был чем-то серьезным для участников этой вечеринки?

О: «Обмен партнерами» звучит как нечто целенаправленное. А тут просто развлечение.

Шутка. Чисто выпустить пар.

В: Вы видели Аманду Грейсон на вечеринке второго июля?

О: Да. Но я тогда не знала, кто это.

В: А как тогда вы узнали, что это была она?

О: Полицейские показали ее фотографию.

В: Они показали фотографию Аманды Грейсон и спросили, была ли она на вечеринке?

О: Да.

В: А где вы ее видели?

О: В гостиной. Она налетела на меня и пролила вино мне на рубашку.

В: Когда это было?

О: Мне кажется, между половиной десятого и десятью часами. Точно не знаю. Но я была на вечеринке до одиннадцати. Так что где-то до этого времени.

В: После этого вы ее видели?

О: Нет.

В: Какой она вам показалась, когда вы ее видели?

О: Расстроенной. Она показалась мне расстроенной.

В: Она плакала? Или злилась?

О: Она была напугана. Действительно напугана.

В: Вы разговаривали с Мод Лагё на вечеринке в тот день?

О: Я хотела поговорить с ней, но когда подошла, мне показалось, что они с мужем Себом ссорятся из-за какой-то женщины.

В: Почему вы так говорите?

О: Потому что я слышала, как Мод что-то говорила про «ее фотки в обнаженном виде», и она очень-очень злилась. Я никогда не видела ее такой.

В: Спасибо, миссис Дельгадо. Можете быть свободны.

Аманда

За шесть дней до вечеринки

– Что думаете? – спросил дизайнер по интерьерам, обводя рукой с безупречным маникюром кабинет Аманды в «Хоуп Фест Инициатив», где красовались новенький оранжевый диван, серый шерстяной коврик с широкими белыми полосами и абсурдно дорогие журнальные столики «ручной работы» из какой-то мастерской в Уильямсбурге.

Аманда разглядывала интерьер, а дизайнер – высокая решительная дама, похожая чертами лица на хищного ястреба и предпочитающая в одежде драпировки всех оттенков серого – пристально смотрела на нее в ожидании ответа. Нужно было сказать что-то правильное. Аманда понятия не имела, что именно, но когда она не знала, что конкретно говорить – а такое случалось довольно часто, – то обнаруживала, что пара умных слов очень может восполнить много лакун.

К счастью, Аманда выучила немало умных слов с тех самых пор, как они с мамой сидели, уютно устроившись в большом кресле-мешке с вельветовой обшивкой в отделе детской литературы в библиотеке Сент-Коломб-Фоллс. Это закончилось, когда Аманде было одиннадцать, а ее мама заболела и сгорела за несколько недель от рака легких, хотя в жизни не выкурила ни единой сигареты. После этого Аманда сомневалась, что сможет когда-нибудь снова пойти в библиотеку. Но спустя всего несколько дней после маминой смерти она пришла туда в поисках безопасного места.

Мрачная библиотекаря вынырнула из ниоткуда со стопкой книг для Аманды во второй или третий раз, когда она пришла туда одна. Она ничего не спросила о ее маме, только сказала, нахмурившись:

– Вот, держи.

Она с грохотом опустила внушительную стопку на стол: *«Повелитель мух»*, *«Над пропастью во ржи»*, *«Маленькие женщины»* и еще несколько таких же серьезных произведений. После этого такие «особые» заказы стали обычным делом. Именно из этих книг Аманда черпала самые лучшие слова. Они становились ее собственными словами. Порой Аманде приходилось время от времени напоминать себе об этом. Она прочитала все эти книги. Эта часть ее была настоящей.

А сейчас дизайнер все еще ждала ответа.

– Блистательно! – наконец отважилась Аманда.

Дизайнер просияла, с восхищением оглядывая плоды своего труда.

– Ох, Аманда, как вы хорошо сказали! Клянусь, вы моя самая восхитительная клиентка.

– Блистательно? – В дверях кабинета Аманды стояла, скрестив руки, Сара. Она выглядела великолепно: гладкая оливковая кожа, темно-русые аккуратно подстриженные волосы и огромные голубые глаза. – Полегче, Джейн Остин! Это всего лишь диван! – Сара вошла и шлепнулась на диван, чтобы подкрепить свое высказывание, и похлопала по сиденью рядом с собой. – Ну же, Аманда. Садись! Это *твой* диван, а не ее. По крайней мере, опробуй новинку!

Аманда улыбнулась, подошла и села рядом с Сарой. Несмотря на миниатюрную фигурку, Сара производила внушительное впечатление. В ее присутствии Аманда всегда ощущала себя сильнее.

– Спасибо за вашу помощь! – сказала Аманда дизайнеру.

– Ага, а теперь до свидания! – Сара жестом выдворила женщину.

Дизайнер поджала губы, взглянув на Сару, но, подойдя к Аманде, весело улыбнулась и расцеловала ее в обе щеки.

– Аманда, звоните мне в любой момент, если вам еще что-то потребуется.

– Пока! – повторила Сара.

Дизайнер фыркнула, развернулась на тонких шпильках и вышла за дверь.

– Нет ничего противнее, чем такая дурища, которая настаивает, что ты должна спустить четырнадцать штук на дебильный диван, который она себе никогда в жизни не сможет позволить! – заявила Сара, когда дизайнер ушла, не поднимая головы, потому что, видимо, заканчивала набирать сообщение своему мужу Керри. Эта парочка переписывалась без остановки, как подростки. – А эта улыбка до ушей, что скулы сводит? Люди, которым правда нравится, никогда так старательно не улыбаются. Ты ведь в курсе?

Сара росла в Талсе у матери-одиночки, с трудом сводившей концы с концами, но семья Керри унаследовала состояние, которое их предки сколотили на пуговицах. На самых настоящих пуговицах. Предыдущие поколения спустили значительную часть денег, поэтому Керри в итоге досталось не так уж много, а Саре пришлось провести много времени, ухаживая за богатыми родственниками.

– Это Зак ее нанял. Она явно знаменита. – Аманда оглядела новый интерьер. – Мне правда нравятся вещи, которые она выбирает.

– Ох, Аманда! Ты дипломат до мозга костей. – Она похлопала подругу по коленке. – Никогда не скажешь ничего неприятного, да?

– Я говорю! – слабо запротестовала Аманда.

– Только очень-очень тихо, – прошептала Сара и пожала плечами. – А вот мне не помешало бы научиться держать язык за зубами. Ты бы слышала, как я напала сегодня с утра пораньше на Керри. – В ее глазах на миг появилось отсутствующее выражение. – Хотя в свою защиту скажу, что он слишком старый и пузатый для ярко-красных кроссовок «Эйр Джордан». Он выглядит смешно. Я видела парочку парней, с которыми он играет. Они молоды и в отличной форме, привлекательны и отнюдь не смешны. Кстати, хочешь сходить со мной на игру как-нибудь? Там есть один мальчик с голубыми глазами и бородкой...

Аманда рассмеялась:

– Нет, спасибо.

Сара обожала шутить о других мужчинах, которые в отличие от Керри были привлекательными, но их брак был очень крепким. Они были женаты уже много лет и воспитывали трех очаровательных сыновей. Они познакомились еще в выпускных классах. Керри был звездой футбола, а Сара – чирлидершей. Их даже выбрали королем и королевой выпускного, и этот факт Сару немного смущал, но вместе с тем она очень им гордилась.

Сара вздохнула:

– Как бы то ни было, мне кажется, что Керри и правда обиделся, когда я прошлась по его кроссовкам. Есть некая черта, даже если просто шутишь, но иногда я забываю, где она.

Сара была очень жестким человеком, это правда. Она постоянно требовала от мужа то одного, то другого: забрать сыновей, прибрать листья, которые забили дождевой водосток в углу, помочь Аманде поменять лампочку на крыльце. Керри иногда ворчал, особенно по поводу листьев, которые ему казались проблемой в масштабах всего города, но всегда выполнял поручения с радостью, словно наслаждался этим. Сару это ставило в тупик.

– Мне кажется, Керри любит тебя такой, какая ты есть, – сказала Аманда. – Кроме того, я уверена, что Зак хотел бы, чтобы я была такой же решительной, как ты. Тогда я бы разруливала все дела в фонде куда эффективнее.

– Но тогда Заку пришлось бы и жить с такой занозой в заднице, как я. Давай будем честны, мы с твоим мужем не протянули бы вместе и одного вечера.

Представив себе эту ситуацию, обе так расхохотались, что Аманда едва не задохнулась от смеха.

Ей очень нравилась Сара. Она перебралась в Центр-Слоуп всего четыре месяца назад, но сблизилась с Сарой куда сильнее, чем с кем-то из своих подруг в Пало-Альто, которые

безжалостно охраняли собственную безупречность, как голодные псы. Разумеется, Сара не могла занять место Кэролин, с такой историей дружбы невозможно соревноваться, но Саре и не нужно было соревноваться с Кэролин. В жизни Аманды хватало места для обеих подруг.

А еще Сара оказывала неоценимую помощь в фонде. Она раньше работала в сфере образования. Мамочка друга ее сына в частной школе Грейс-Холл, президент родительского комитета, Сара знала все тонкости запутанной нью-йоркской системы образования. Сара не работала после рождения детей, но согласилась занять в фонде должность замдиректора просто потому, что хотела протянуть руку помощи. Несмотря на все возражения Сары, Аманда настояла, чтобы ее труд щедро оплачивался.

Возможность не разбираться со всем в фонде одной стоила любых денег. Поскольку Аманда сама росла в бедности, она всем сердцем верила в благородную миссию фонда – предоставлять стипендии, которые позволят нуждающимся ученикам средних школ попасть в лучшие частные школы Нью-Йорка. Но работа в «Хоуп Фест Инициатив» была связана с постоянными стрессами. Аманде нужно было все делать правильно. В конце концов, это ведь было детище Зака.

Родители Зака – парочка героиновых наркоманов из Покипси – отказались от него, когда Заку исполнилось девять. После этого он мотался из одной приемной семьи в другую. Зак рассказал все это Аманде вскоре после знакомства и признался, что, взрослея в тени шикарного Вассарского колледжа, он всегда знал, что есть и другая жизнь. И он хотел себе этой жизни. Во всей ее полноте.

Зак постарался вырваться из нищеты. В четырнадцать он начал незаконно подрабатывать в ночную смену в супермаркете, чтобы скопить достаточно денег на необходимые тестирования и заявки в школы-интернаты. Его приняли сразу в три, включая Дирфилдскую академию, где ему выделили полную стипендию. Оттуда он перешел в Дартмутский колледж, а потом отучился параллельно на юрфаке и в школе МВА в Пенсильванском университете. Тогда Аманде это казалось очень впечатляющим. Да и сейчас тоже.

Начав встречаться с Амандой, Зак резко пошел вверх по карьерной лестнице, начиная один успешный стартап за другим по всей Калифорнии – в Дэвисе, Саннидейле, Сакраменто, Пасадене, Пало-Альто. В Дэвисе Аманда родила Кейза, и когда ему исполнилось четыре, Зак решил, что если он хочет чего-то по-настоящему добиться, ему нужно создать что-то свое. Именно тогда родилась корпорация ЗАГ (это часть слова «зигзаг», а еще инициалы самого Зака, между которыми он решил расположить «А», поскольку у него не было второго имени). Спустя пять лет корпорация оценивалась в сотни миллионов долларов. Но Аманда не удивилась, когда муж решил отойти от управления корпорацией, сообщив, что готов начать что-то новое. Ему всегда очень нравилось бросать самому себе вызов. Чем бы конкретно ни занималась новая компания, которую Зак открыл в Нью-Йорке – они никогда не обсуждали подробности его работы, – Аманда не сомневалась, что здесь Зак тоже добьется большого успеха.

– Какого черта моему мужу приспичило присылать мне сообщения с вопросами, что у нас на ужин, посреди дня? – пропыхтела Сара, набирая очередное сообщение. – Еще даже время обеда не наступило. Заняться, что ли, нечем?!

У Аманды зазвонил телефон. Она вздрогнула, но не сделала попытки встать и пойти снять трубку, хотя он продолжал трезвонить.

– Ты вообще в курсе, что у тебя пока нет секретаря? – поинтересовалась Сара. – Звонок сам на себя не ответит.

– Ну да... – после третьего звонка Аманда с неохотой поднялась с дивана и поплелась к столу. Она взяла трубку. – Аманда Грейсон.

Молчание.

– Алло?

Молчание. В этот момент ее вдруг охватил ужас.

– Алло? – еще раз повторила Аманда, но в трубке молчали, правда, на заднем плане раздавался знакомый шум. Тяжелое, ужасное дыхание. У нее сжался желудок.

– Это кто? – спросила Сара с дивана.

На автоответчике высвечивался длинный ряд нулей. Аманда бросила трубку.

– Эй, потише, я тут чуть не обделалась от страха! – прикрикнула Сара. – Что там тебе такое сказали?

– Ничего. Прости, я даже не знаю, почему я так бросила трубку. Никто не отвечал. – Аманда улыбнулась, но улыбка вышла нервная. Нужно сменить тему. – Просто Кейз сейчас так далеко, поэтому я не в себе. Мне даже вчера дурацкий кошмар приснился. Будто я босая бегу по лесу, и колючки вонзаются мне в кожу. Мне кажется, я пыталась спасти от чего-то Кейза. Одному богу известно, от чего. – Когда Аманда посмотрела на Сару, та сидела с широко раскрытыми глазами, а ведь Аманда даже не упоминала самые неприятные моменты: она была вся в крови, на ней было какое-то нарядное платье, может быть, даже свадебное, а потом посреди деревьев внезапно выросла, будто дом с привидениями, дешевая закусочная «У Нормы» из ее родного городка. Кому снятся такие странные дикие сны? Уж точно не Саре. – Понятное дело, это просто кошмар. Но всякий раз, как звонит телефон, я волнуюсь, уж не из лагеря ли Кейза.

Аманда знала, что Кейз в лагере в полной безопасности. Просто без него чувствовала себя неприкаянной. Единственный раз, когда его так долго не было дома, был, когда его положили в больницу с отравлением в совсем еще маленьком возрасте, но даже тогда Аманда ночевала у него в палате.

Лицо Сары смягчилось.

– Это я отлично понимаю. – Она подошла и наклонилась к столу рядом с Амандой. – В первую неделю лагеря у меня обычно все ногти сгрызены под корень. Пока я не получаю от мальчишек первое письмо. Но мои мальчишки обычно каждое лето ездят в одно и то же место.

– Ты тоже волнуешься? – спросила Аманда.

Младший сын Сары Генри учился в одном классе с Кейзом, так они с Амандой и познакомились. Но Сара была из тех супермамочек, у которых все всегда под контролем, какую бы новую катастрофу ни устроило их чадо. А катастроф было превеликое множество.

– Пусть тебя не обманывает моя внешняя стойкость! – воскликнула Сара. – Мне легче не позволять себе думать про это. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Чем-то напоминает тот случай, когда перед окончанием учебного года мне из школы написали по поводу Генри: «Просим прийти к нам». Хочешь знать, как я поступила?

– Как? – спросила Аманда, примостившись на краешке стула. Она бы все отдала за толику напускной храбрости, как у Сары.

– Я *проигнорировала* это сообщение! Можешь себе представить? – Сара покачала головой, словно бы испытывала сама к себе отвращение, но при этом казалась слегка польщенной. – Честно? Я просто не могла с этим справиться. Мне нужна была передышка от всего, что связано с детьми. Разумеется, теперь мы в срочном порядке собираем экстренное заседание родительского комитета сегодня вечером. Догадываюсь, это и по мою душу.

– Что за экстренное заседание? – уточнила Аманда.

– Но я же тебе говорила. Помнишь? Якобы произошла утечка списка контактов. – Она прижала ладони к щекам, на секунду распахнула глаза, а потом ухмыльнулась. – Такое впечатление, что все родители учеников нашей школы подпадают под программу защиты свидетелей ЦРУ или что-то типа того. Они сразу психуют.

Да, Сара ей это говорила, но у Аманды вылетело из головы. Зак бы тоже психанул, если бы обнаружил, что кто-то хакнул контакты. Он был помешан на неприкосновенности их частной жизни. Если их данные попадут не в те руки, то Зак наверняка предъявит претензии школе. Он

даже может захотеть забрать оттуда Кейза, а этого не должно случиться. Грейс-Холл – единственное светлое пятно в жизни Кейза в этот непростой переходный период.

Аманда надеялась, что они смогут переехать после окончания учебного года Кейза, но в итоге не вышло. По крайней мере, Кейз в свои десять легко заводил друзей. Это облегчало ему привыкание к множеству новых мест. Кейз был тусовщиком, бейсбольным фанатиком, но в то же время и вдумчивым художником, мог с удовольствием сидеть часами в одиночестве и рисовать свое любимое животное – ягуара.

Но перейти в новую школу, когда до конца пятого класса оставалось всего несколько месяцев, – непосильная задача для любого ребенка, даже очень легко приспосабливающегося. Были и слезы, и кошмары. Один раз Кейз даже обмочился во сне. Аманда, которую частенько мучили кошмары, считала крепкий сон своего ребенка подтверждением, что она что-то делает правильно. Теперь это уже осталось позади. Кейз оживился, когда Аманда согласилась отправить его в лагерь: восемь недель в Калифорнии с лучшим другом Аше. Но что, если сынок снова загрустит, когда лагерь закончится и придет пора возвращаться в Центр-Слоуп?! Об этом Аманда не хотела думать. Она всегда шла на уступки ради карьеры мужа, но никогда не делала этого за счет сына. Ее самая важная работа – защищать сына, но сложно бывает балансировать между интересами Зака и Кейза.

– А вот теперь и ты в бешенстве, – сказала Сара. – Узнаю это выражение лица!

– Нет, я не в бешенстве, – солгала Аманда.

– В любом случае школа использует все возможные ресурсы, чтобы расследовать произошедшее, – сообщила Сара, но ее голос звучал так, будто она пыталась убедить саму себя. – Наняли какую-то модную фирму, которая специализируется на кибербезопасности.

– Я... понятия не имела, – пробормотала Аманда.

– Потому что администрация школы помалкивает. Я им постоянно говорю, что создается впечатление, будто они что-то скрывают. Так ты пойдешь со мной на собрание?

Аманда до сих пор успела побывать только на одном собрании родительского комитета и сочла это мероприятие пугающим.

– Не знаю, смогу ли я...

– Разумеется, сможешь. Мне нужна моральная поддержка. Родители ищут, на кого бы переключиться, – сказала Сара таким тоном, будто не могла пресечь все их попытки на корню. – В восемь. У меня. И я не приму отказа!

Сара прекрасно обошлась бы без Аманды, но хотела, чтобы подруга пошла. Этого было достаточно.

– Приду! – пообещала Аманда. – Обязательно!

Лиззи

6 июля, понедельник

Тюрьма Райкерс выглядела куда хуже, чем я помнила, даже в темноте.

Более крупные тюремные корпуса, казалось, специально были спроектированы так, чтобы напирать друг на друга, зато здания поменьше и куча всяких трейлеров – администрация, бараки для охранников и склады с оружием – безо всяких опознавательных знаков, словно бы просели. Массивная бетонная тюремная баржа, которая каким-то чудом держалась на воде, стала прибежищем еще нескольким сотням заключенных, которые, как я читала, недавно умудрились отвязать баржу и чуть было не сбежали, медленно отплывая прочь.

В темноте поблескивало ограждение из колючей проволоки, перекошенное, местами покрытое чешуйками ржавчины. Проволока то вытягивалась в прямые линии, то складывалась в квадраты, изгибалась в круги, отчего появлялось неприятное чувство, будто ты заперт сразу и внутри, и снаружи. Но больше всего я боялась после прошлого визита в Райкерс – это было несколько лет назад, когда я приехала допросить свидетеля – резкого запаха нечистот и крыс.

В отличие от обычных спящих туда-сюда по ночам грызунов, райкерские крысы вольготно шастают посреди бела дня, агрессивно отстаивая свою территорию. Еще одна причина любить темноту. Когда я вошла в «Бантум», корпус, где содержался Зак, еще пятнадцать минут ушло на все формальности, прежде чем я наконец оказалась в крошечной кабинке, где пахло мочой, луком и спертым дыханием, и, уставившись на мутную плексигласовую перегородку, ждала, когда охрана приведет Зака.

По дороге сюда в памяти всплыли обрывочные воспоминания о нашей дружбе с Заком. Мы не так уж долго были близки, но провели вместе добрую часть первого курса: учились, обедали и ужинали, ходили в кино. То, что я забыла, какой была наша дружба, необязательно отражало отношение к Заку. Просто у меня всегда была избирательная память. Но сейчас-то я все вспомнила. Зак мне нравился, поскольку все в нем казалось знакомым, причем и хорошее, и плохое. Как-то раз наш любимый преподаватель по контрактному праву вместо лекции устроил вдруг занудную «профориентационную консультацию». Когда тем же вечером мы пошли ужинать в «Махоуни», паб на Риттенхаус-сквер, Зак все никак не мог уговориться.

– Не, ну ты можешь поверить, какую чушь нес профессор Шмидт?! – восклицал он, щедро сдабривая кетчупом свой бургер, когда в паб ввалилась шумная толпа университетских футболистов.

– Про бездушные фирмы, которые специализируются на корпоративном праве?

Зак покивал, не сводя взгляда с бургера, скорее всего для того, чтобы не встречаться глазами ни с кем из очень крупных и весьма нетрезвых футболистов, окруживших нас.

– Ужас! А мне ведь он нравился! Теперь может проваливать ко всем чертям.

– То есть ты считаешь такие фирмы... душевными? – поддразнила я Зака, косясь на гиганта, стоявшего рядом со мной и опасно покачивавшегося из стороны в сторону.

– Не притворяйся, что ты не понимаешь, о чем я. Ты же самая амбициозная из всех моих знакомых!

Зак начал подергивать ногой, как делал всякий раз, когда нервничал, а нервничал он часто.

– Почему здесь все думают, будто амбициозность превращает тебя в чудовище? Да, я отказываюсь проигрывать и не боюсь в этом признаться.

Он не имел в виду ничего плохого, но порой вел себя как мой отец, когда его не видели обожавшие его клиенты, сослуживцы и соседи. Для них он был приятным в общении шутником, бестолково очаровательным. И это так и было. Но еще он был помешан на статусе, дости-

жениях ради достижений, и ради них мог плевать на что-то по-настоящему важное, например на людей вокруг. На маму и меня. А еще отец всегда был чем-то недоволен. Все, что родители создавали для себя – закусочную и «уютную» двухкомнатную квартирку на Западной Двадцать шестой в Челси, – мама наполняла домашней стряпней и бесконечной заботой. И это было здорово. Просто идиллия. Но отцу всегда было мало, и вот мы лишились и этого.

– То есть ты считаешь, что студенты нашего юрфака недостаточно стремятся чего-то добиться? – Это все равно что сказать, что проблема в прайде львов в том, что они предпочитают овощи.

– Но они *притворяются*, что они не стремятся ничего добиться. Это лицемерие! – Зак многозначительно сверкнул глазами в мою сторону. В этом весь Зак: или избегает зрительного контакта, или буравит тебя взглядом. Он никогда не отличался умеренностью. Но и я тоже. По крайней мере, Зак не пытался скрыть свое настоящее «я» под личиной весельчака, в отличие от моего отца. Зак был честен с другими, и я уважала его за это.

– Моя мать работала официанткой и уборщицей, а отец пахал на сталелитейном заводе. Обычные работяги, без образования, они вкалывали, как лошади. Посмотри на своих предков. Такие же трудяги, как мои, у них обманом отобрали честно заработанные деньги, сведя их тем самым в могилу! – Он ткнул в меня пальцем. – Успех – это абстракция только для богатых.

Я пожала плечами:

– Лично я собираюсь служить обществу.

Зак приподнял одну бровь:

– Служить обществу? Это, конечно, очень благородно и все такое, но у таких, как мы, нет подобной опции.

– Говори за себя! – отрезала я. – Я собираюсь всеми правдами и неправдами устроиться в прокуратуру, а на деньги я плевать хотела.

Еще мне не нравится, когда меня недооценивают. Я собиралась посвятить жизнь тому, чтобы защищать простых людей, таких как мои родители, трудолюбивые иммигранты, которых один из завсегдатаев, с виду такой душка, убедил взять сто тысяч долларов под залог закусочной и инвестировать в «секретный» проект «Гудзон-Ярдс». Собственно говоря, убедил он только моего отца, и тот вложил деньги, не посоветовавшись с мамой. Затем – пшик! – деньги исчезли, тот завсегдатай тоже. С молниеносной скоростью банк арестовал закусочную без права выкупа. Милли, наша клиентка, понемногу ставшая другом семьи, которая служила сержантом в Десятом участке, рьяно взялась за дело и всю плешь ФБР проела, чтобы они нашли того парня. В итоге его таки нашли, но вовсе не из-за давления со стороны Милли. Его нашли, но в самом худшем виде. Это ничего не изменило. Все, ради чего в поте лица трудились родители, было разрушено. Как и моя семья. Мне в тот момент было шестнадцать, и я потеряла родителей еще до того, как мне успело исполниться семнадцать.

Я с трудом доучилась в школе, совершенно раздавленная горем. Жила с теткой, сестрой матери, считая минуты, когда она наконец уже свалит обратно в Грецию. Мир внезапно стал таким враждебным и непостижимо темным. Долгие месяцы я пребывала в опасной депрессии. Вернуться к жизни хоть отчасти мне помогла учеба, в которую я погрузилась с головой.

По крайней мере, благодаря маниакальному упорству я заслужила бесплатное обучение в Корнелле и к последнему курсу бакалавриата начала подумывать о юридическом факультете и о том, чтобы работать обвинителем в делах о мошенничестве. Идея в будущем связать свою карьеру со спасением таких людей, доверчивостью которых воспользовались аферисты, как в случае с родителями, стала брошенным мне спасательным тросом. Нужно ли говорить об остальном, что случилось? Это дало мне силы вытащить себя на берег.

– Эй, без обид. – Зак поднял руки, снова уставившись на свой бургер. – Из тебя получится великолепный обвинитель. Я просто хочу сказать, что ты пашешь в десять раз усерднее

и фанатеешь от учебы сильнее, чем кто бы то ни было на нашем чертовом факультете. Может, стоит пожинать плоды?!

– Не беспокойся. Это будут плоды, которые я сама для себя выбрала.

– Знаешь, а я ведь верю! – Зак улыбнулся. – И ни капельки не сомневаюсь!

Но как бы мы с Заком ни были близки какое-то время, он не сможет меня уговорить представлять сейчас его в суде. Я, конечно, послушаю, покиваю, а потом – как и обещала – найду ему по-настоящему хорошего адвоката, но это буду не я. Именно так я и поступлю, решила я.

Наконец по ту сторону перфорированной плексигласовой перегородки раздалось какое-то жужжание. Когда дверь открылась, передо мной предстал Зак. Вернее сказать, его правый глаз. Поскольку сначала я увидела только его. Опухший, превратившийся в узкую щелочку, с глубоким порезом в районе брови. Вся правая половина его лица приобрела эффектный фиолетово-малиновый оттенок. Мне даже смотреть было больно.

– Господи, Зак! – выдохнула я. – Ты в порядке?

Он слабо улыбнулся и кивнул:

– Я занял чье-то место в очереди. Тут столько правил. Я учусь, но это процесс не быстрый. Все не так плохо, как выглядит.

Даже побитый Зак выглядел привлекательнее, чем я помнила, его черты заострились, он явно возмужал за эти годы.

– Мне жаль, что это случилось. Тебе же больно...

– Ну, это точно не твоя вина. – Он потупил взгляд в своей обычной манере. – Спасибо, что пришла. Давненько мы не виделись. – Он помолчал пару минут. – К счастью, я не зарабатываю на жизнь модельным бизнесом. Но в идеале хотелось бы выйти отсюда хотя бы с чем-то отдаленно напоминающим лицо.

– Напоминаю, они не должны записывать эти разговоры, но...

– Но кто знает, да? – перебил Зак. – Мне нечего скрывать, но я тебя услышал. Я внимательно тебя слушал. Правда.

Он быстро посмотрел мне в глаза, а его тело еле заметно завибрировало – он снова тряс ногой, которую мне было не видно. Бедный Зак. У него были серьезные неприятности. Он грустно улыбнулся, и у меня засосало под ложечкой.

– Я приехала помочь, Зак, чем смогу... – начала я. – Но, как я уже говорила раньше, я не буду представлять тебя в суде.

Зак беспомощно развел руками, не сводя с меня единственного здорового глаза.

– Ладно. Ну, то есть это не то, что я хотел услышать, но ты вольна сама решать, что тебе по силам.

Грудь уже не так сильно сжимало тисками. Я сильнее, чем могла себе представить, боялась, что Зак рассердится. Хотя я никогда не видела его злым. Значило ли это, что он не способен убить свою жену? Разумеется, нет. Кроме того, одиннадцать лет так просто не сотрешь. Я ничего не знаю о нынешней жизни Зака, кроме того, что прочла в «Нью-Йорк таймс», когда как-то раз гуглила, что случилось с моими знакомыми парнями, с которым я общалась до Сэма.

– Честно, эта моя новая работа... – озвучила я настоящую и легитимную отмазку, лучшую, какая только пришла мне на ум, пока я целую вечность добиралась в Райкерс на автобусе. – Я старший юрист в «Янг & Крейн». Дела берут только партнеры, мне нужно уважать внутренний распорядок.

– А как ты вообще оказалась в частной конторе? – спросил Зак. – Ты же всегда спала и видела, чтоб стать прокурором. Я тебя не осуждаю, просто удивился, когда увидел, что ты ушла.

– Увидел? – переспросила я.

И тут я поняла. Ежегодные выпуски «Выпускников Пенсильванского юрфака». У Виктории со времен университетского женского клуба сохранилась неумная жажда деятельности, которая заставляла ходить на все встречи выпускников и обновлять информацию о выпускниках ежеквартально. Думаю, ею двигали благие мотивы, как-никак работа в «Янг & Крейн» очень престижна, фирма имеет высокие доходы, занимается сложными делами, у нее безукоризненная репутация, и зарплаты ого-го. Я даже имела шансы стать партнером, пусть и в далекой перспективе. Но я не по своей воле отказалась от изначального плана посвятить свою профессиональную карьеру государственной службе, честной работе за маленькие деньги в прокуратуре.

– Я бы меньше удивился, если бы ты вообще забросила юриспруденцию, чем тому, что ты переключилась на защиту корпоративных клиентов.

Я поморщилась, попытавшись скрыть это за улыбкой.

– Это жизнь. Не всегда получается так, как хочешь.

– Что это значит? – спросил Зак. – Тебя не могли уволить. Ты слишком хороша для этого.

– Мы не могли себе позволить, чтобы я и дальше там работала.

Это была правда, хотя и далеко не вся. Из-за моего мужа наша жизнь пошла под откос, и моя работа в «Янг & Крейн» должна была помочь нам выбраться обратно.

Около года назад Сэм напился на работе во время обеденного перерыва, послал главного редактора журнала «Мужское здоровье», где трудился, куда подальше и уснул в туалете. Лицом вниз, прямо под писсуаром. Это стало последней из множества остановок по пути вниз по карьерной лестнице, который начался с «Нью-Йорк таймс». Его вышибали с одного места за другим из-за пьянства. Сэм допускал фактологические ошибки в текстах, срывал сроки. Враждебно относился к окружающим.

К счастью, когда Сэма наконец уволили из журнала, у него уже был контракт с издательством, пожелавшим издать книгу на основе его популярной колонки советов. К несчастью, мы давно уже истратили довольно скромный аванс, а книга была далека от завершения. Сэм вообще сейчас очень мало писал. Но, быть может, мы и протянули бы на моем мизерном жалованье госслужащего, если бы не то ДТП.

Через неделю после увольнения мы отправились на дешевом маршрутном такси к нашему приятелю в Монток, чтобы развеяться, вкусно поесть и пропустить по стаканчику. В какой-то момент, когда я отправилась спать, Сэм, по-видимому, решил, что он «совершенно трезвый, чтоб сесть за руль» и «позаимствовал» у нашего приятеля отреставрированный ретро-автомобиль с откидным верхом, чтобы сгонять за пивом. В итоге он въехал в паб «Англерс», нанеся огромные повреждения как историческому зданию, так и автомобилю. Что примечательно, Сэм, слава богу, не получил ни царапины, но необходимо было компенсировать разрушение бесценных семейных реликвий, поскольку на Сэма подал в суд владелец «Англерса» за преднамеренное поведение, последствия которого не покрывает страховка, другими словами, за вождение в пьяном виде. Нас обязали выплатить двести тысяч долларов из собственного кармана в течение ближайших двух лет. Этот факт я намеренно утаила, когда заполняла в «Янг & Крейн» финансовую декларацию. Иск был подан лично против Сэма, а потому оставался за скобками моей кредитной истории. Разумеется, я была осторожна. Я понимала, что мне нельзя говорить правду во избежание ее толкований. Юридические фирмы не хотят нанимать специалистов, погрязших в долгах, поскольку появляется риск злоупотреблений с их стороны, а внушительный долг считался нашей совместной ответственностью. Выплачивать его было непорочно даже с учетом зарплаты в «Янг & Крейн», но возможно без объявления себя банкротами при условии, что мы откажемся от всего «несущественного» типа процедуры ЭКО, которую рекомендовал репродуктолог в качестве следующего шага. Но это все и упрощало. Новорожденного мы с Сэмом потянули бы в последнюю очередь. Злилась ли я на все это? Разумеется. Иногда я была просто в ярости, но моей ярости никогда не хватало, чтобы надежда не одержала

верх. Ведь если бы я перестала верить, что все наладится, доверять радужным представлениям Сэма, то осталась бы один на один с реальностью. А реальность эта никуда не годилась.

– Не могла себе позволить работать в прокуратуре? – не унимался Зак. – Что это значит? Мне всегда нравилась его прямота.

– У нас возникли непредвиденные финансовые затруднения. Это длинная и запутанная история. В любом случае работа в прокуратуре – не лучший способ подзаработать денег.

– Брак... – Зак уныло покачал головой.

– Ну, очевидно, это не конец света, – сказала я. – Я работаю в одной из лучших юридических фирм, а не на соляном прииске.

В единственном глазе Зака читалась грусть.

– Но я знаю, как важна для тебя была эта работа. Мне очень жаль.

Мне обожгло горло, и я отвела глаза.

– Это самое тяжелое в браке, да? – продолжил Зак. – Чужие проблемы становятся твоими. Не всегда это справедливо.

– Да, не всегда. – Зак озвучил абсолютно правильную мысль, причем куда вежливее, чем могла бы я.

– То есть все дело в твоём муже. Ричард, да?

– Ричард? – Я ощутила укол вины, когда вспомнила, откуда Зак знает это имя. – Нет, не Ричард. Его зовут Сэм.

– Как я понимаю, он не юрист...

– Писатель.

Зак попытался посмотреть мне в глаза.

– Писатель... творческая профессия. – Он улыбнулся. – Я рад, что ты счастлива. Я тебя вспоминал все эти годы, думал, как ты там. Хорошо, что все удачно сложилось.

Нет. Все сложилось неудачно.

Я молча потупилась, глядя на стол. Нужно вернуться к нашей теме.

– А где твой сын?

– В лагере в Калифорнии со своим лучшим другом. – Зак слабо улыбнулся. – Аманда не хотела его отпускать, но мы переехали сюда прямо посреди учебного года, и он очень скучал по ребятам. Аманда в этом плане молодец. Она всегда выбирала то, что лучше для Кейза, даже если выбор ей тяжело давался. Я не могу сказать Кейзу о случившемся по телефону, это было бы... Но ему нужно знать про Аманду.

– А твоя мама?

Он чуть помялся:

– Она умерла.

– Мои соболезнования. Может, родители друга Кейза могли бы сказать? – предложила я. – Как думаешь, они смогут забрать его из лагеря?

– Возможно, – тихо пробормотал Зак. – Если честно, то я не особо с ними знаком. Друга вроде зовут Билли.

– Я могла бы позвонить в лагерь и узнать, – предложила я. – Уверена, у них есть контакты родителей Билли.

– Это было бы классно! Спасибо! – сказал Зак. – Но я даже не знаю названия лагеря. Всем занималась Аманда. – Он помолчал немного. – Наверное, ты считаешь меня полным кретином, да? Но готов поклясться, ты тоже не мчишься каждый вечер домой, чтобы поставить на стол перед Ричардом горячий ужин.

Я рассмеялась чересчур громко.

– Нет. Но все семьи разные, – сказала я. Если уж речь о моем отношении к ситуации, а у меня, разумеется, сформировалось собственное отношение, то в моих глазах Зак не стал бы

хуже, если бы у него была самая обычная семья при условии, что именно этого хотела и его жена. – У тебя дома где-то есть информация о лагере?

– Уверен, что есть. В гостиной есть маленький столик, где Аманда хранит все бумаги. Там должны лежать все документы и информация о лагере.

– У кого-то из соседей есть ключи от дома? – спросила я. – Это куда быстрее, чем если я буду рыться в конфискованных предметах в поисках твоего ключа.

– Запасной ключ лежит под кадкой с растением перед домом. Аманда хранила его там на случай всяких непредвиденных обстоятельств.

– Эээ... вы храните ключ от дома под горшком с растением перед входной дверью? – уточнила я. – В Нью-Йорке?!

– Ну, в свете произошедшего звучит очень глупо, – пробормотал Зак. – Если честно, то я никогда раньше об этом и не задумывался. Центр-Слоуп кажется таким безопасным местом.

– Нужно удостовериться, что полиции известно о запасном ключе. Это расширяет список потенциальных подозреваемых, – сказала я. – Нужно ли еще кому-то позвонить? Родственникам? Друзьям? Кому-то с работы?

Кому-то, для примера, с кем Зак встречался за прошедшие одиннадцать лет. Как минимум у него должны быть целые команды подчиненных, которые рвутся в бой, чтобы показать себя с лучшей стороны.

Зак опустил глаза и покачал головой:

– Люди, которые сейчас присутствуют в моей жизни, по-настоящему меня не знают. Понимаешь, о чем я говорю? – Он указал на свое опухшее лицо. – Нельзя, чтобы они видели меня в таком состоянии.

Я кивнула:

– Понимаю.

Но понимала ли я? Неужели у него нет ни одного близкого человека? И что это за трепет в груди? Мне польстило, что я исключение?

– Мы с тобой... – продолжил он, отвечая на вопрос, который я не задала. – Я всегда считал, что мы родственные души, понимаешь? Ты меня никогда не осуждала.

– Нет, – сказала я. – И не буду.

Зак посмотрел на меня, его здоровый глаз потускнел. Его черты стали не только привлекательнее, но и мягче.

– Как бы то ни было, входная дверь была заперта, когда мы ушли на вечеринку, поскольку я сам ее запер. Но сигнализация неисправна. Аманда вызвала мастеров, чтобы починить сигнализацию. Но я в последнюю очередь стал бы жаловаться на то, что она до сих пор этого не сделала. Классно, да? – Он зажмурился, словно от боли. – В любом случае Аманда закрыла за собой дверь, когда вернулась домой. Она нервничала.

– А почему нервничала? – Может быть, если была какая-то причина, то она указала бы на что-то или кого-то, кроме Зака.

Он пожал плечами:

– Она родом из маленького городка, из неимущей семьи, причем такой неимущей, что жили впроголодь. Жене не нравилось об этом говорить, но иногда мне кажется, что окрестности и местные жители производили на нее ошеломляющее впечатление. Даже домохозяйки и те были ого-го: прекрасное образование, активная общественная жизнь. Аманда была умницей, но она даже в колледж не ходила. Мне кажется, она волновалась, что это поймут, и дергалась. Может, я слишком давил, чтобы она стала той, кем не была. – Казалось, он искренне сожалел. – Но она была более способной, чем осознавала. Я просто хотел, чтобы она раскрыла свои лучшие качества.

От того, как он сказал «лучшие качества», у меня свело зубы. Зак всегда был помешан на самосовершенствовании, даже когда речь шла не о нем самом. В его случае это принесло отличные результаты, но вот что касается других...

– Ну да, конечно, – сказала я, поскольку Зак, по-видимому, ждал от меня согласия. – Резонно.

Его лицо снова потемнело.

– Я бросился делать искусственное дыхание, но Аманда уже была ледяной. А кровь, когда я наступил в нее, показалась мне такой густой, словно клей... – Зак прижал ладонь к губам. Разве он мне не говорил по телефону, что *пытался* реанимировать жену? Не хотел сделать, а делал искусственное дыхание. Я могла бы поклясться, что именно так он и сказал, но, может, оговорился. Или ему стыдно было признать правду. – Полиция спрашивала меня в связи с этим. Почему на мне так мало крови? Переоделся ли я после того, как убил Аманду? Я не удосужился сделать ей искусственное дыхание, потому что не любил свою жену? По их мнению, третьего не дано. Но она была такой холодной, вот и все объяснение и я... всем кажется, что они знают, как поступят. Но на самом деле ничего не понятно до того момента, как что-то действительно с тобой случится. В итоге все оказывается куда хуже, чем ты думаешь.

Так и есть. Я это знаю, как никто другой. На прошлой неделе я проснулась и обнаружила Сэма без сознания на полу в гостиной, а у него на голове зияла глубокая рана. Было очень много крови: на его руках, на рубашке и на паркете под его головой натекла целая лужа. Я бросилась к нему, не сомневаясь, что он мертв. Но Сэм застонал, когда я до него дотронулась, и от его тела буквально исходили пары алкоголя. Я не могу себе представить, каково было бы, если бы он оказался холодным на ощупь.

– Ты прав, – сказала я. – Никто заранее не знает, как поступил бы.

Тем не менее чистая одежда Зака представляла проблему, поскольку полиция уже продемонстрировала, что данный факт можно интерпретировать множеством способов. Но, предположительно, они пока не обнаружили другой, окровавленный комплект одежды Зака, в противном случае его бы уже арестовали за убийство.

– Я не знаю, что случилось с Амандой, Лиззи. Когда я вернулся домой, она уже была мертва, – продолжал Зак. – Но она могла бы жить, если бы я не был таким плохим мужем.

Что бы это ни значило, повторять это Заку не стоило. Это было равносильно признанию.

– Почему?

– Я оставил ее на той вечеринке, написав ей сообщение уже после ухода. Потому что я всегда так делал. Оставлял Аманду. Она должна объяснять мое поведение. Она должна строить нашу жизнь. И она всегда это делает. – Он замолчал, с шумом втягивая воздух. – Делала. Она всегда это делала. Наверное, я и тебя тоже ни разу не благодарил.

– Никто не идеален, – сказала я. – Особенно в браке.

Он мрачно улыбнулся:

– Мы не ссорились. Отдаю нам должное. Мы вообще не любители ссор. Наша семейная жизнь была вполне приятной. Кейз – чудесный парень. Были ли мы с Амандой исключительно близки? – Он покачал головой. – Честно говоря, я всегда рассматривал брак как некую практическую договоренность. И вот моя жена мертва, значит, должна быть причина? Я отстранен? Неэмоционален? Самое глупое, что я даже не должен был уходить с той вечеринки. Я ушел, потому что мне стало стыдно. Я пошел прогуляться по...

Я вскинула руку, как сотрудник патрульной полиции:

– Нет, нет. Без подробностей.

– Но моя история не изменится, Лиззи. Потому что это не выдумка, а правда.

– Это не имеет зна...

– Я пошел прогуляться по Бруклин-Хайтс. Пешком. Один. Вода, огни Манхэттена. Я любил гулять, когда мы учились в Филли¹, помнишь?

Да? Я не уверена. А в чем я вообще уверена? Зак будет трудным клиентом. Он не слушал.

– В любом случае я уже рассказал полиции, где был. И еще рассказал про клюшку для гольфа все, что они хотели знать, а то они пристали: «Это типа ваша?» Я такой: «Ну да...»

– Зак! – В этот раз я прикрикнула на него так громко, что он вздрогнул. – Я серьезно. Хватит! Это не поможет в твоей ситуации.

– Но это был мой дом, и, *разумеется*, это была моя клюшка! – с вызовом ответил он. – Я не убивал Аманду. С чего мне врать о чем-то?!

Ну, признаваться полиции в том, что тебе принадлежит предполагаемое орудие убийства, это заявление в ущерб собственным интересам. Допустимое свидетельство, основанное на непроверенной информации. Я решила, что скажу защитнику, кому бы я в итоге ни передала дело Зака, об этих заявлениях – очень важно будет разобраться с ними. Нужно как-то выпутаться, пока я не сделала хуже. Мне просто нужно собрать достаточно информации, чтобы найти Заку адвоката и чтобы этот адвокат начал работать над заявлением о залоге.

– Можем вернуться к твоей стычке с офицером полиции? Преступлению, в котором тебя обвиняют. – Любой адвокат захочет об этом узнать прежде, чем браться за дело Зака.

– Очевидно, не я первый начал, – сказал Зак, предположительно намекая на свое субтильное телосложение. Хотя он и стал куда мужественнее, чем был раньше, но все равно не походил на человека, который стал бы нарываться на драку с копом.

– То есть первым начал офицер? – уточнила я.

– Я не знаю, что ты имеешь в виду под словом «начал», но это полицейский вывел меня, тыча в клюшку для гольфа со словами: «Этой клюшкой вы ударили свою жену, да ведь? Почему? Она вас злила? Изменяла? Может, вы схватили клюшку, чтобы припугнуть ее? Вы размахнулись и даже сами не поняли, что случилось, а она уже рухнула на пол. Вы запаниковали». Он не отставал от меня. А потом в разговор влез кто-то еще, обозвал меня лжецом, якобы я все наврал насчет прогулки, и это глупая ложь. «Вы что, тупой?» – говорил мне тот парень снова и снова... – Это было уже слишком, хотя и такое возможно. Давить на подозреваемого, кричать на него – вот что произошло. – Как бы то ни было, потом появился этот парень в костюме, про которого я тебе рассказывал, а с ним еще несколько человек в штатском. Уже после того, как на месте преступления начали работать криминалисты. Тот детектив подошел ко мне справа и сказал что-то типа: «Давайте выйдем, и вы мне расскажете поподробнее». Я ответил, что не оставлю жену одну. Тут меня кто-то схватил за локоть, и я резко дернулся. С силой. Но это было рефлекторное движение. – Он поднял локоть и продемонстрировал, как это было. – Короче, оказалось, что за мной стоит еще один офицер, и в итоге я попал ему по лицу.

– И тогда тебя арестовали?

– Сначала все забегали. Кто-то из врачей со «скорой» осмотрел нос копа, потом все успокоились, и было чувство, что все спустят на тормозах, – сказал Зак. – Потом парень в костюме снова переговорил с детективом. Я не слышал, что он ему сказал. Но через минуту меня арестовали за нападение на офицера.

– Но не за убийство?

Зак покачал головой:

– Нет, только за нападение. Мне кажется, даже коп, которого я ударил, хотел меня отпустить, хоть у него и шла кровь носом. Он все говорил: «У парня жена погибла». Но у меня было чувство, что другой коп, ну, тот, в костюме, искал предлог, чтобы упереть меня за решетку.

Очень даже похоже на правду. Если у тебя есть обоснованный повод задержать подозреваемого в убийстве, ты это делаешь. И точка.

¹ Филли – шутовое прозвище города Филадельфия. – Здесь и далее примечания переводчика.

– Ты все это рассказал тому адвокату, который представлял твои интересы, когда тебе предъявили обвинение? Ну, бесплатному защитнику.

Зак неуверенно нахмурился:

– Не помню точно. Я в тот момент, как уже говорил, был слегка не в себе.

– Ничего. Я найду твоего защитника и спрошу. Ты знаешь, как его зовут?

– Ммм... Адам... Рот-чего-то-там. Он новичок, живет на Стейтен Айленд. Мы обсуждали паром...

Я представила себе нервного новоиспеченного госзащитника из тех, кому выдают подобные дела, который все трындел и трындел о своей жизни Заку, пока тот пребывал в ступоре.

– Я отыщу его. Если он уже переговорил с прокурором, то может быть в курсе расклада.

– Значит ли это, что ты передумала? И берешь мое дело? – Зак протянул руки и ухватился за краешек плексигласовой перегородки перед ним.

– Прости, Зак! – сказала я чуть тверже, но надеялась, что все еще дружелюбно. – Тебе правда нужен кто-то с богатым опытом в уголовном праве. А именно в делах об убийстве. Кто-то, кто разбирается в ДНК, криминалистических экспертизах, группах крови, отпечатках пальцев. Я знакома только с судебной бухгалтерией. У меня никаких связей в прокуратуре Бруклина. В таких делах очень часто нужен неофициальный канал передачи информации.

– В первую очередь мне нужен боец, Лиззи. – В глазах Зака теперь горела ярость. – На карту поставлена моя жизнь.

– Но я не партнер. Я не могу приводить собственных клиентов в «Янг & Крейн». Точка.

– Я готов оплачивать все по вашим расценкам, какими бы они ни были.

– При желании ты мог бы позволить себе купить всю нашу фирму с потрохами, – заметила я. – Дело не в расценках.

Зак кивнул и откинулся на стуле.

– Они не хотят, чтобы название конторы ассоциировалось с подобными тяжкими преступлениями. Понятно-понятно.

– Ну, ты же знаешь, как устроены эти фирмы. Они ставят во главу угла свой моральный облик.

– Я бы тоже не хотел, чтобы моя компания ассоциировалась с именем человека, которого обвинили в убийстве. Цель – безукоризненная репутация.

– *Осталось пять минут*, – произнес чей-то голос в громкоговорителе. – *Часы посещения заканчиваются через пять минут. Пожалуйста, проследуйте к ближайшему выходу.*

Я встала и взяла блокнот.

– Мне нужно позвонить. Я найду тебе классного адвоката и передам всю информацию. Очевидно, первостепенная задача – вытащить тебя отсюда под залог. – Я посмотрела на его лицо в синяках и заплывший глаз. – В любом случае я не знаю, к кому обратиться в «Янг & Крейн», чтоб мне доверили это дело.

Зак вскинул подбородок:

– погоди, ты могла бы спросить хоть кого-нибудь. Тебе же пока не отказали.

Черт. Я опустила глаза и выдохнула. Ну зачем я так сказала? Зачем?! Хотя, может, это и не худший вариант... «Янг & Крейн» точно откажутся. Пол как-то раз специально подчеркнул, что старшие юристы не могут брать себе дела. После того, как он официально мне откажет, я официально соскочу с крючка.

– Думаю, я могу спросить, – наконец промямлила я. – Но они точно откажутся.

– Ладно! – ответил Зак, но я поняла, что он меня не слушал.

– Зак, я серьезно. Это ничего не изменит.

– Я понимаю, правда. Спасибо тебе!

Он задержал на мне взгляд и даже еле заметно улыбнулся.

– Часы посещений подошли к концу! – Голос через громкоговоритель звучал громче и настойчивее. – Немедленно проследуйте к выходу.

– Мне пора, – сказала я. – К концу завтрашнего дня у меня будет больше информации, позвони мне. Скажем, в семь? Вот мой мобильный. – Я написала номер и подняла листок так, чтобы Зак смог его правильно переписать. – Я сразу подойду.

– Спасибо, Лиззи, – сказал Зак. Он прижал ладонь к мутной перегородке, глядя на меня с мольбой. – Спасибо!

Я помялась, а потом прижала свою ладонь с другой стороны. Это был дико интимный жест, хотя физически мы друг друга и не касались.

– Постарайся не волноваться, – сказала я, убирая руку.

– Потому что волноваться не о чем? Или потому, что это не поможет? – уточнил Зак.

– И то и другое, – сказала я и направилась к двери.

Я тяжело дышала, когда поднялась по лестнице к нам на четвертый этаж. По дороге домой я погуглила информацию об Аманде. Никаких новостей о ее смерти, зато попались статьи в «Пост» и «Дейли ньюс» об убийстве в Центр-Слоуп в выходные под заголовками «Жестокое убийство в Центр-Слоуп» и «Убита женщина в Слоуп». В обоих изданиях опубликовали одно и то же фото: «скорая помощь» припаркована рядом с красно-коричневым особняком, полдюжины полицейских машин, полицейская лента. Статьи обошлись без подробностей и не упоминали имена Зака и Аманды. «Впредь до уведомления от родственников», – писали газеты. Не говорилось и о причине смерти, однако журналисты отметили, что был произведен арест и полиция не считает, что сохраняется риск для общественной безопасности. Мы с Сэмом были у нашего давнего приятеля в Джерси-Шор на День независимости, поэтому случившееся прошло мимо меня.

Я обнаружила большое количество фотографий Зака и Аманды в интернете: благотворительные вечера, биографические очерки о Заке. Аманда была красива. Ослепительно красива: стройная молодая женщина, похожая на газель, с длинными густыми светлыми волосами. Она была полной противоположностью мне с моими темными волосами, смуглой кожей и плотно сбитой фигурой. Я не нашла никаких упоминаний о ее возрасте, но с виду она была совсем молодой, даже юной.

Я пыталась представить, насколько же юной, когда вошла в прихожую, где меня встретила тишина и привычная духота. Было поздно, почти одиннадцать. Но Сэм обычно в такое время еще не спал. «Пусть он будет дома, – подумала я. – Пожалуйста».

Я оставила сумку в коридоре, сбросила туфли на высоких каблуках и отправилась на кухню, чтобы налить стакан воды и найти себе что-то поесть. Я запустила руку в большую упаковку «Твиззлерс», которую зачем-то убрала с глаз долой, и зачерпнула пригоршню конфет. Я достала из холодильника фильтр-кувшин для воды и увидела, что Сэм уже упаковал для меня обед на завтра. *Эх, Сэм, если бы в мире существовало достаточное количество сэндвичей с индейкой, чтобы все исправить.*

От дверей в гостиную я увидела Сэма, который спал мертвецким сном на диване. Я была уверена, что он именно спит, а не вырубился. Он лежал, свернувшись калачиком, на боку, а по телевизору шел матч «Янки» – «Ред Сокс», звук был приглушен. Я подошла и наклонилась к нему.

От него не пахло алкоголем. Вот до чего я докатилась – я обнюхиваю его. На столике стояла бутылка сельтерской воды. Я присела на краешек столика и смотрела, как он спит. Он выглядел просто идеально: взъерошенные рыжеватые волосы, острые скулы. У Сэма были очаровательные глубоко посаженные ярко-голубые глаза, но в последнее время слишком обеспокоенные. Во сне он был просто красивым. Он старался. Очень старался. Я любила его за это. Сэм бросил пить на целых два месяца после той аварии. После того как я устроилась в «Янг &

Крейн», он время от времени мог себе позволить пиво во время бейсбольного матча или бокал вина за ужином у друзей. Но он не напивался, по крайней мере вдрызг, до прошлой недели.

Раньше я бы сказала, что просто напиться вдрызг и напиться до отключки – это одно и то же. Человек просто вырубается, лежа лицом вниз на ковре. За восемь лет брака я стала настоящим экспертом по точному употреблению слов. Когда человек напивается вдрызг, то он – например, ваш супруг – продолжает двигаться, пусть и неуклюже. Он не вырубается, хотя он и не с вами, поскольку важная часть его «я» – того человека, которого вы любите, – исчезает. В итоге вы говорите с кем-то, кто только похож на вашего любимого, кто говорит его голосом, но это не он, а его оболочка.

Десять стежков и легкое сотрясение мозга – вот и все, несмотря на море крови. Вскоре шрам был уже так надежно скрыт под шевелюрой Сэма, что даже наши друзья в Джерси ничего не заметили. В глубине души я хотела бы, чтобы у Сэма остался страшный шрам прямо посреди его идеального лба. Никогда не забуду те минуты, когда я думала, что он погиб. Но с чего вдруг? Зак был прав: худшее в браке то, что чужие проблемы становятся твоими.

Лечебница. Очевидное решение. Однако, как всегда говорил Сэм, у нас нет денег на индивидуальный план лечения, который не покроеет страховка. Единственное лечение, которое было бы эффективно. Протрезветь и оставаться трезвым – дорогое удовольствие. Но был и еще один вариант, который Сэм отказывался рассматривать, – его родители.

Сэм родился в очень зажиточной семье, сколотившей огромный капитал на железнодорожных акциях. Сейчас его отец Барон Чедвик был налоговым партнером в престижной бостонской юридической фирме, а мать, Китти Чедвик, не работала. Но детство Сэма не было счастливым. Нет, никакого насилия, просто невыносимая холодность, которая, застывая, превращалась в жестокость, поскольку отца Сэма расстраивало, что сын рос страстным, инициативным и эмоциональным. Он мечтал видеть спортсмена, президента класса, юриста. Ему хотелось вырастить корпоративного рейдера или могучего боксера, который вырубал врагов одним ударом и с той же легкостью затыкал бы за пояс друзей. Делал бы все ради победы. Тем временем Сэм делился конспектами со всеми отстающими одноклассниками и как-то раз отказался проходить собеседование ради внушительной стипендии, которую всем сердцем желал заполучить его лучший друг. Отец Сэма не понимал, в чем смысл иметь такого сына. Он не видел смысла жизни самого Сэма. Они с родителями перестали общаться как раз перед нашей свадьбой. Мне казалось справедливым, если родители заплатят за нанесенный ущерб. Но Сэму невыносима была мысль о том, чтобы просить их о помощи, что было совершенно понятно.

– Привет, – сонным голосом поздоровался Сэм, поерзав на диване. Он посмотрел в сторону окна, из которого обычно высматривал такси, в котором я приезжала. – Прости, не встретил тебя.

– Ничего, – сказала я. – Все в порядке.

Но все не было в порядке. Внезапно меня охватила злость, похожая на липкий деготь, который прилипал ко всему вокруг. Разве не мило, что Сэм караулил, когда же я доберусь до дома? Конечно. Но предпочла бы я, чтобы он выразил свою любовь, раз и навсегда выбрав трезвость? Определенно.

Но я никак не могла объяснить, почему я одновременно злюсь и при этом хочу улечься на диван рядом, прижавшись к нему.

– Который час?

– Почти одиннадцать.

– И ты только сейчас добралась до дома? – Сэм сощурил голубые глаза, казавшиеся яркими даже в приглушенном свете. – Поздновато даже для каторги.

– Угу.

Вот тут бы мне и рассказать все Сэму. Про Зака и Аманду, про звонок, который раздался, как гром среди ясного неба. Про поездку в Райкерс и про то, как я загнала себя в угол, пообещав

спросить у своего руководства в «Янг & Крейн». По дороге домой я недоумевала, с чего вдруг ляпнула такое в разговоре с Заком, но не хотелось копаться. Поэтому я решила ничего не говорить Сэму. Сохранить в тайне. В конце концов одной тайной больше, одной меньше.

– Тогда у тебя... – Сэм провел рукой по моим волосам, а его голос снова стал сонным, пока он пытался сосчитать в уме. – Двенадцати-... нет пятнадцати-... даже шестнадцатичасовой рабочий день. – Он громко вздохнул. – Прости, Лиззи.

Я пожала плечами:

– Не ты же распределяешь дела.

– Но начнем с того, что ты работаешь там по моей вине, – сказал он грустным голосом, как это обычно бывало, когда он извинялся, а извинялся он часто. Я надеялась, что он говорит всерьез.

– Все нормально, – сказала я, поскольку не было смысла внушать ему еще большее чувство вины.

Я закрыла глаза, растворившись в теплом ощущении от сильных пальцев Сэма, запущенных в мои волосы, в воспоминании, как он так же гладил их на втором свидании, на втором году совместной жизни и на прошлой неделе. Разве не это главное в браке? Научиться притворяться, что несколько неиспорченных моментов могут восполнить все, что поломалось.

Я вспомнила первые выходные, которые мы с Сэмом провели в Нью-Йорке. Мне пришлось добираться почти три часа из Филадельфии, сначала на пригородной электричке, потом на поезде «Нью-Джерси Транзит», а потом еще и на метро, лишь бы добраться до Сэма и ощутить тот электрический разряд, который бежал по моим венам с момента нашей встречи. Мы три раза занялись сексом, а потом уснули на раскладном диване, единственном предмете мебели, который влезал в крошечную студию размером с почтовую марку, в Верхнем Вест-Сайде, прижимаясь головами к дебильному огромному холодильнику. Перед тем как пойти куда-нибудь позавтракать, мы заглянули в приют для бездомных по соседству, куда Сэм отнес карандаши и блокноты для тамошних ребятишек. Может быть, он это специально спланировал, чтобы произвести на меня впечатление, но он в тот момент завершал статью, в которой говорилось о необходимости субсидий из городского бюджета на покупку школьных принадлежностей. И блеск в его глазах был совершенно реальным. Потом он сказал мне:

– Немного, но это лучшее, что я могу сделать.

Что, если сейчас это «лучшее», что Сэм может сделать?

– Давай переберемся в кровать, Сэм, – сказала я, когда он притянул меня к себе. – Нас увидят. Надо купить уже эти чертовы занавески.

– Давай останемся тут, – пробормотал он, расстегивая мою блузку. Его пальцы скользнули под лифчик, другая рука залезла под юбку. – Давай никуда не пойдем.

– Хорошо, – прошептала я.

И закрыла глаза. Потому что Сэм хотел меня. И, несмотря ни на что, я тоже его хотела.

Крелл Индастрис

Конфиденциальная справка. Не для распространения

Охраняется адвокатской тайной

Строго конфиденциально

24 июня

Кому: правлению Грейс-Холл

От: Крелл Индастрис

Тема: Предварительный отчет об утечке данных и нарушении кибербезопасности

Данная справка служит подтверждением привлечения «Крелл Индастрис» со стороны школы Грейс-Холл для оценки потенциальной утечки данных, в результате которой скомпрометированы некоторые личные данные учащихся и их семей. Вся информация, представленная в данной справке, охраняется адвокатской тайной, считается строго конфиденциальной и не подлежит огласке.

Расследование, проводимое «Крелл Индастрис», будет включать следующие этапы (но не ограничиваться ими):

- **Обзор системы**

Подробный обзор всех доступных систем данных на предмет внутренних ошибок и внешнего вмешательства, которое привело к утечке.

- **Опрос свидетелей**

Опрос всех заинтересованных лиц. Интервьюируемых предупредят о том, что конфиденциальность крайне важна для успеха расследования. Необходимо будет заполнить форму о неразглашении.

- **Еженедельный отчет**

Будет передаваться, чтобы подытожить результаты расследования.

- **Отчеты о критичных мероприятиях**

Будут передаваться по мере необходимости, чтобы обратить внимание на сведения, которые требуют более срочного отклика.

- **Установление личности подозреваемого**

Будут установлены потенциальные подозреваемые, чтобы подать гражданский или уголовный иск.

Аманда За шесть дней до вечеринки

Когда Аманда добралась до особняка Сары, где уже собралась целая толпа, Керри стоял у двери, прижавшись к ней спиной так, словно бы он пытается раствориться в ней. Большое облегчение – наконец-то увидеть дружелюбное лицо. Пока Аманда неспешно прогуливалась в сумерках до дома Сары, ей на мобильник дважды позвонили с неизвестного номера. От резкого звука у нее заходило сердце, хотя телефон звонил совсем недолго, и Аманда не успевала решить, отвечать или нет. Скорее всего эти звонки никак не были связаны с теми многочисленными звонками, которые поступали ей раньше, хотя всего пару недель назад Аманда не сомневалась бы, что это именно так. Но когда в трубке раздалось чье-то дыхание, притворяться стало бесполезно. Каким-то образом этот человек нашел ее. И он явно не хотел ничего хорошего.

Было трудно не завидовать всем этим родителям, набившимся, как селедки в бочке, в особняк Сары на собрание родительского комитета, чтобы обсудить вопросы «кибербезопасности». Но по крайней мере у Сары чувствовала себя в безопасности сама Аманда. Муж Сары Керри был очень здоровым: выше ста восьмидесяти сантиметров ростом, широкоплечий, как и положено бывшему полузащитнику. Но Аманде всегда было трудно вообразить, чтобы Керри с его карими глазами с тяжелыми веками и молниеносной улыбкой намеренно сбивал кого-то с ног, пусть даже на футбольном поле. Легче было представить его королем выпускного. Хотя Сара была права, его лицо с тех пор заметно округлилось. Аманда отметила это, глядя на старые фотографии, развешанные по стенам дома.

Сара почти сразу обозначила, что вышла замуж за Керри не из-за его внешности. Керри прибило к ногам Сары волнами благосостояния его пуговичной империи, хотя не последнюю роль сыграла и куртка-блейзер, которая обозначала принадлежность к спортивному клубу. В итоге эти самые ноги Сары тут же оказались в безопасности и были окружены заботой. В конце концов, разумеется, они с Керри получили далеко не ту сумму, на которую рассчитывала Сара – про это она тоже не забыла рассказать, – но отнюдь не голодали. Керри был успешным юристом. Аманде казалось, что его заботливость была куда ценнее денег. Зак всегда радовался, если Аманда заполняла те лакуны, которые образовывались из-за ее напряженной карьеры, с помощью наемных работников: водопроводчиков, плотников, нянь, репетиторов, садовников, маляров. Но она ведь не могла нанять кого-то, чтобы достать с верхней полки коллекцию бейсбольных карточек Кейза. В прошлые выходные она упомянула об этом Саре, страшно смущаясь, но не прошло и часа, как на пороге Аманды уже стоял Керри.

– Меня прислали к вам, мадам, – пошутил он. – Что-то нужно сделать с бейсбольными карточками.

– Прости, – сказала Аманда. – Так поздно, да еще в воскресенье. Клянусь, я не просила ее отправлять тебя сюда.

Это правда, но Аманда была рада, что Сара прислала мужа. Кейз попросил прислать карточки ему в лагерь, и Аманда хотела с самого утра заняться этим вопросом. Она уже попробовала встать на стремянку, но до коробки все равно не дотянулась.

– Не беспокойся. Я знаю свою жену, – сказал Керри, оглядывая темный дом. – Зак на работе в половину девятого в воскресенье? Вот это жест!

– У него собрание по поводу финансирования, – ответила Аманда. Муж и правда часто проводил подобные собрания, хотя она и не знала, касалось ли это сегодняшнего дня.

Керри достал коробку с карточками, даже не поднимаясь на верхнюю ступеньку стремянки.

– Не забудь передать Кейзу, что ему повезло, – сказал Керри, передавая ей коробку. – Если бы кто-то из наших мальчиков написал из лагеря, что ему что-то надо, Сара сделала бы вид, что письмо потерялось по пути. Хочешь, я почию дверцу шкафа, раз уж все равно пришел? Мне кажется, она не открывается из-за проблемы с петлей.

– Нет, нет, – Аманда ужаснулась, что Керри выдан весь список всех необходимых работ по дому. Она так часто говорит об этом? – Я уже вызвала мастера.

Неудивительно, что Керри присутствовал на собрании родительского комитета, хотя ему наверняка нужно было рано вставать. Он всегда был там, где нужен был жене. Наконец Керри заметил, что Аманда мнетя у двери, и жестом подозвал ее.

– Можешь мне помочь? – прошептал он сквозь зубы, как только Аманда пробилась к нему через толпу. Он провел пальцами по всклокоченным темно-русским волосам, которые – Сара была права! – стоило бы подровнять. – Почему все эти люди тусуются в моем доме?

– Потому что твоя жена – председатель родительского комитета? – предположила Аманда.

– Но сейчас *лето*! – посетовал Керри. – Должен быть перерыв на лето.

– Не смотри на меня так! Она и меня заставила прийти.

– По моему сигналу бежим к дверям!

Аманде нравились шутки Керри. Когда он так шутил, она чувствовала себя другим человеком, не особенно привлекающим чье-то внимание.

– Ни за что. Я слишком боюсь твою жену! – заявила Аманда с улыбкой – настоящей улыбкой! – проскальзывая мимо Керри в гостиную. – И тебе бы стоило!

– Не волнуйся! – отозвался он с преувеличенно громким вздохом. – Я в надлежащем ужасе.

Она бы предпочла остаться с Керри в дальнем уголке, но нужно было встать так, чтобы Сара ее видела, чтобы присутствие засчиталось. Тогда, может быть, не придется оставаться надолго. После всех этих звонков Аманду не отпускало чувство – сегодня оно стало даже сильнее, чем вчера, – что находиться среди толпы родителей учеников Грейс-Холл само по себе стресс. Аманда поискала глазами Мод, но не увидела ее. Галерея Мод по выходным была открыта допоздна. Наверное, она на работе.

Гостиная Сары была обставлена со вкусом, и здесь было очень уютно, как всегда казалось Аманде. На стенах висело множество искренних фото, отражающих этапы развития их семьи: здесь были краснолицые плачущие младенцы, малыши, впервые пробуящие что-то кроме грудного молока, дурацкие Хеллоуины, угрюмые подростки. Разительное отличие от девственных поверхностей в полностью перестроенном особняке Аманды. Ее собственный дом был, разумеется, прекрасен, но Аманде безумно хотелось такие же полы, как у Сары – чтобы они скрипывали в одних местах и слегка проседали под весом тела в других. Не то чтобы скрипучие полы сами по себе были чем-то чудесным. В трейлере, где прошло детство Аманды, полы постоянно издавали какие-то звуки, и каждый тяжелый пьяный шаг по пожелтевшему линолеуму отдавался эхом, напоминающим писк мыши, угодившей в ловушку. Но в доме у Сары и Керри звуки были другими. Это были звуки крепкой семьи, которая жила в старом доме.

Аманда оглядела разношерстную толпу родителей из Центр-Слоуп: женщины в деловых костюмах рядом с мужчинами в графичных футболках, родители таких преклонных лет, что сгодились бы скорее на роль бабушек и дедушек, рядом с теми, кто скорее напоминал студентов, представители разных рас и культур, одиночки и однополые родители. Это была во многих отношениях пестрая компания, хотя почти все они были очень богаты, а у Аманды почти все вызывали страх.

В их районе в Пало-Альто на собрания родительского комитета обычно приходили мамочки-домохозяйки, но в Центр-Слоуп мужчины и женщины делили тяготы родительства, и

почти у всех была не просто работа, а *карьера*. В Пало-Альто жители были интеллигентными и образованными, но в Центр-Слоуп все были настоящими интеллектуалами. В их районе жили журналисты, профессора и художники. Эти люди хотели, чтобы вы говорили что-то осмысленное, раз уж открывали рот. Вам положено иметь мнение о политике, искусстве, книгах и путешествиях. Аманда очень много читала, но ее знаний не хватало, поскольку в Центр-Слоуп любое явление препарировали, подносили к свету и изучали в мельчайших подробностях. Это касалось и людей. Если бы они заглянули внутрь Аманды, то обнаружили бы там пустоту.

– Добрый день, друзья! – поздоровалась Сара, когда все наконец заняли свои места. Она подмигнула Аманде, а потом обвела взглядом комнату, чтобы напряжение сгустилось. Сара знала секрет, как справиться с родителями детей из Грейс-Холла. Помолчав, она наконец продолжила: – Не паникуйте. Все будет нормально. Обещаю. – В голосе сквозила резкость, которую Сара даже не пыталась скрыть. – Родительский комитет вместе с руководством школы работает над решением проблемы.

Лес рук.

– Каким образом проблему можно решить?! – спросил высокий темнокожий парень в идеально сшитом костюме из ткани «в елочку», который Аманда видела в «Барнис» на том этаже, где продавали особо дорогие товары. В руке он держал свернутый в трубочку номер «Уолл-стрит джорнал». – Нам ничего не говорят.

– Школа наняла фирму, которая специализируется на кибербезопасности, – пояснила Сара. – Они выяснят, что конкретно произошло, и предложат какие-то решения. Но на это уйдет какое-то время.

– Время, твою мать... – сердито пробурчала женщина, сидевшая рядом с Амандой. Она была неряшливой и плохо одетой, лицо оплывшее, на белой коже проступают вены. Аманде стало интересно, когда эта тетка в последний раз расчесывала спутанные светлые волосы.

На другом конце гостиной подняла руку миниатюрная женщина с темными волосами до подбородка, оливковой кожей, одетая в стильную юбку-карандаш. Ее шпильки почти не касались пола, и от нее исходила нервозность.

– Простите, но если школа не может сохранить в безопасности нашу личную информацию, то как мы можем доверить ей своих детей? – Она огляделась, ища поддержки, и несколько человек кивнули в знак согласия. – Не хочу вспоминать то, что случилось несколько лет назад, но с чем с чем, а с кибербезопасностью у школы никогда проблем не было. Казалось бы, школа уже должна научиться контролировать ситуацию.

По толпе прокатился гул. Аманда знала, что одна из учениц погибла из-за травли в сети, но подробности ей были неизвестны.

Щеки Сары вспыхнули.

– Послушайте, мой старший сын был знаком с Амелией. Я знала ее мать и была так же расстроена случившимся, как и все мы, – резко сказала она. – Но смерть Амелии никак не связана с тем, что нам придется терпеть экстраспам. Ведь все ограничится этим?

Аманда посмотрела на других родителей. У некоторых лица были мрачными, но, может быть, для них «этим» уже не ограничилось.

– Но что, если будет что-то помимо простого неудобства? – не унималась миниатюрная женщина. – Моя соседка работает в ай-ти, и лично она считает, что злоумышленники, возможно, планируют получить доступ ко всем нашим облакам, – последнее слово она произнесла таким тоном, словно речь шла не об облаках, а о вагинах – как будто от него разило похотью.

– Я хотел бы добавить, – подал голос невозмутимый папаша в джинсах и полинялой футболке «Рамоунз». Его волосы были седыми, почти белыми, а кожа мертвенно-бледной. – Школа нас всех подвела. Это может кончиться плохо, а может и не кончиться плохо. Но по крайней мере они должны открыто рассказывать нам о том, что происходит. А тихариться – не

слишком удачная идея. Грейс-Холл должна быть «открытой книгой», включить нас в процесс. Предполагается, что мы сообщество.

– А что, если человек, ответственный за утечку, является *частью* нашего маленького сообщества? – спросила Сара. – Например, ученик, обиженный бывший сотрудник? Что, если этот тип сейчас здесь?! У школы есть веские основания, чтобы сохранять расследование в тайне. Если потерпевшие захотят, чтобы школа подала иск от их имени, то нужно защитить доказательства.

– Погодите, у школы есть причины полагать, что это кто-то из своих?! – спросила высокая широкоплечая женщина с очень короткими белокурыми волосами и крупными чертами – неудачное сочетание. Глаза навывали бегали из стороны в сторону. – Это было бы ужасно!

– Мне кажется, мы уже обсудили, что расследование конфиденциальное и оно как раз сейчас идет. – Ресницы Сары затрепетали, она явно была раздражена. Могу лишь сказать, что школа наняла одну из лучших в стране фирм, специализирующихся на кибербезопасности. Они начали расследование и доберутся до сути произошедшего. Вот чем они заняты. После того как расследование закончится, они поделятся своими ощущениями. Но в настоящий момент я не знаю никаких других подробностей.

– А мне кажется, им стоило бы пока хоть что-то нам рассказывать, – миниатюрная женщина снова заговорила, но на этот раз тише. Ее голос звучал почти потрясенно. – Я хотела сказать... что, если мы... ну, то есть вдруг происходит что-то подозрительное, что относится к делу?

Аманда оглядела комнату. Еще несколько родителей кивали. Как будто они тоже были жертвами какой-то подозрительной активности. Но какой именно? Никто не хотел признаваться. Аманду замутило. Зака удар хватит, если он узнает.

– Ну, хорошая новость в том, что школа дала нам номер, что-то типа «горячей линии», куда можно позвонить и конфиденциально сообщить, если что-то происходит лично с вами. – Сара помялась, слегка приподняла бровь, словно надеялась, что кто-то откроет свой секрет прямо сейчас. – Кроме того, вы можете поделиться информацией о ком-то, кто, по-вашему, замешан. При условии, что вам *действительно* что-то известно.

– Я бы не отказалась от этого номера, – напряженно процедила темноволосая женщина рядом с Сарой. Ее глаза покраснели, под ними залегли тени. Она уже копалась в сумочке в поисках ручки.

Аманда снова перехватила взгляд Керри, пока Сара старательно зачитывала информацию.

– Бежим? – Он мотнул головой в сторону двери.

Аманда покачала головой и засмеялась. Больше всего на свете ей хотелось бы метнуться к двери. Но куда бы она побежала? Это, кажется, всегда представляло проблему. Отсутствие цели. Даже сейчас там, на улице, будет лишь тьма, которая сгущается все сильнее. Аманда обхватила себя за плечи, чтобы унять дрожь.

Может быть, звонки снова прекратятся так же резко, как начались. Как в прошлый раз, когда ей кто-то звонил и бросал трубку. Кейз тогда был совсем маленьким, они жили в Сакраменто. Аманда знала, кто звонил. Тогда она тоже чувствовала его прерывистое дыхание на своем затылке. Но потом звонки прекратились. А теперь снова начались.

Шум в комнате усиливался, недовольные родители общались друг с другом. Сара несколько раз громко хлопнула в ладоши, пока не стало тихо.

– Эй! Повторяю: звоните на «горячую линию», только если вам есть что рассказать! – сказала она, повысив голос. – В этой фирме оплачиваются каждые шесть минут разговора, поэтому не пытайтесь названивать туда, чтобы что-то разнюхать. Весь ход расследования строго конфиденциален. Они вам все равно ничего не скажут, и к тому же придется оплачивать счета. – Сара как будто хотела добавить что-то еще, но потом передумала. – А теперь внимание! Сейчас

лето, большая часть детей разъехалась по лагерям. Так давайте не будем тратить наше драгоценное время, заморачиваясь по поводу этой чуши.

Лиззи

7 июля, вторник

Было всего полдевятого, когда я направилась в кабинет Пола Гастингса. Абсурд по меркам манхэттенских юридических фирм, где, если засиделся в офисе за полночь, принято на следующий день приходить на работу не раньше десяти утра. Сам Пол приходил рано утром и уходил очень поздно. Но он был не просто бывший обвинитель, но и бывший старшина спецназа, который в свободное время бегал ультрамарафоны². Он не привык валять дурака.

Я начала сомневаться в своем решении, стоило мне последний раз свернуть за угол и увидеть стол перед кабинетом Пола. Вместо его обычной приветливой полноватой секретарши за компьютером сидела жесткая и язвительная Глория и яростно что-то печатала. Я совсем забыла, что секретарше Пола удаляют желчный пузырь. Было слишком рано, а я слишком нервничала, чтобы общаться сейчас с Глорией, которая взялась на меня с того самого дня, когда я вежливо отказалась, чтобы ее навязали мне в качестве полноценного секретаря. Недавно ее бывший начальник уволился, и никто больше не захотел с ней работать, в итоге Глорию понизили с должности секретаря партнера до секретаря в приемной на неполный рабочий день, а потому она помогала мне в первые дни в «Янг & Крейн». Но я не могла больше выносить ее постоянные жалобы – на погоду, на синусит, на какого-то старпера, который не уступил ей место в метро. Может, Глория и не была виновата в том, что так несчастлива, но она и работу свою выполняла тяп-ляп. По слухам, ее давно попросили бы на выход, если бы она заранее не пригрозила, что подаст в суд за дискриминацию по половому признаку. Зная Пола, можно было предположить, что он сам попросил назначить ему Глорию, чтобы он мог оценить ситуацию.

– У себя? – спросила я, мотнув головой в сторону открытой двери в кабинет Пола.

– Ну, разумеется, – Глория закатила густо накрашенные глаза. – Явился с утра пораньше, чтобы проверить все отчеты о работе практикантов по оказанию бесплатных консультаций. А все потому, что два практиканта добавили себе пару часиков, когда играли в гольф в Челси-Пирс. Безобидно же? Но Пол жаждет крови. В итоге только и делает, что орет.

Да, это именно то, что могло вывести Пола из себя. К этике он относился еще более маниакально, чем к работе на износ. Он увольнял юристов и за меньшие прегрешения. Накануне моего прихода он умудрился даже вытурить одного из партнеров за «неприличное поведение». Что под этим подразумевалось, никто, похоже, не хотел уточнять. При этом Полу нравилось считать себя чужаком в этом корпоративном мире, а значит, отщепенцем в «Янг & Крейн». Гремучая смесь.

Я пошла к двери и еще сильнее засомневалась насчет Зака. Вряд ли тот факт, что я водила дружбу с человеком, обвиняемым в убийстве жены, хорошо меня характеризует. Кроме того, когда я однажды слышала, как Пол обсуждает возможность отдать дело юристам, он был в ярости от одного только предложения. А мне не хотелось, чтобы его ярость обрушилась на меня.

Пол сидел лицом к двери, сгорбившись. Его седые волосы были аккуратно подстрижены под ежик. Он был в прекрасной физической форме, а его выдержанная, как хорошее вино, привлекательность с годами лишь усилилась. Я судорожно вдохнула и напомнила себе, что этот разговор – всего лишь формальность, чтобы я могла перейти к следующему шагу и найти для Зака нормального адвоката. Наконец я решительно постучала в дверь.

– Войдите! – гаркнул Пол, не поднимая головы.

² Любая дистанция больше 42 км 195 м.

Я увидела, что он, сдвинув очки для чтения на кончик носа, собирает небольшую деревянную головоломку, которая лежала у него на коленях. Я остановилась прямо перед его огромным столом, на котором все лежало на своих местах. На низком шкафу за его спиной стояли фотографии его четырех детей, учившихся в колледже, и его прекрасной первой жены, уже немолодой. Кажется, я слышала от Мэри Джо, что все его последующие жены были значительно моложе, но он питал особую любовь именно к первой.

– Подарок от старшего сына, – пояснил Пол, не отрывая взгляда от деревянного блока. – Сенегальская головоломка. Он там живет. Эту штуковину невозможно собрать. Возможно, он прислал ее, чтобы меня помучить. Очень в его духе. – Наконец он поднял голову и с надеждой глянул на меня поверх очков. – Хочешь попробовать?

– Прости, я не сильна в головоломках.

– Э-э-эх, – протянул он с явным разочарованием.

Мне часто казалось, что Пол меня оценивает и приходит к выводу, что я недостаточно хороша. Но с такой же досадой он смотрел на большинство людей. Никто не дотягивал до высоких стандартов Пола, может, это объясняло и то, что он трижды разводился. Держа головоломку в одной руке, Пол свободной рукой достал какие-то бумаги из аккуратной стопки, положил на угол стола передо мной и вернулся к своему занятию.

– Твои правки в ответ Министерству юстиции сделали письмо лучше, но все равно у нас не позиция, а полная хрень.

После того как Сэм уснул, я дописала-таки то письмо и отправила Полу. Это было в два часа ночи. Сейчас половина девятого, а Пол уже изучил документы. Вот основная проблема в «Янг & Крейн» – как бы усердно ты ни работал, всегда найдется тот, кто работает еще усерднее. А Пола особенно трудно обскакать.

Когда я впервые появилась в компании, то работала сразу с несколькими разными партнерами. В последнее время, правда, я работала только с Полом. Мы функционировали как мини-практика по консультированию «белых воротничков» внутри «Янг & Крейн», при этом я делала большую часть работы, а Пол критиковал мою работу и меня. Общение с Полом выматывало, однако он освободил меня от необходимости с ловкостью фокусника выполнять всевозможные требования партнеров, с чем сталкивались другие юристы. Однако я понимала, что это ничуть не облегчит мой путь к должности партнера, когда подойдет время (и если такое вообще случится). Партнерство предполагает наличие множества союзников и грамотной политической стратегии, а меня не интересовало ни то ни другое. Тем не менее тот факт, что последние четыре месяца я достаточно хорошо справлялась, чтобы Пол перестал изводить меня своей бесконечной критикой, – самое настоящее чудо. Томас, мой помощник, рассказывал мне истории о десятках старших юристов, с которыми Пол расставался всего через пару дней.

– Согласна, – сказала я. – Доводы не слишком сильные, но единственные, какие есть.

Другими словами, клиент – клиент «Янг & Крейн», *наш* клиент – совершенно точно виновен. А все, что мы написали, – лишь попытка замаскировать этот факт. Как говорила моя начальница Мэри Джо, «если обвязать кучу дерьма бантиком, тяжелее будет смыть».

– Да, я так и думал! Ха! – победоносно воскликнул Пол, с треском собрав головоломку. Он водрузил ее на край стола, будто поставил какой-то знак препинания, а потом какое-то время разглядывал, прежде чем успокоиться. – Смею предположить по тому, как ты нервно мнешься тут, это письмо в министерство – не единственная причина твоего визита?

– Не единственная. – Я скрестила руки на груди, снова расцепила их, поскольку Пол считал такую позу проявлением слабости. – У меня есть вопрос относительно наших внутренних регламентов.

– Внутренних регламентов? – Пол ухмыльнулся. – Ради всего святого, да у нас тут даже нельзя уволить сотрудника за противозаконное поведение. Внутренние регламенты – чушь

собачья, если тебе интересно мое мнение. – Он помолчал, недовольно пыхтя. – Но я постараюсь сделать все, что в моих силах. Выкладывай!

– Насколько я понимаю, старшие юристы не могут брать себе собственные дела, – начала я. – Один мой друг попросил меня о помощи, и я ему все это рассказала, но хочу удостовериться.

– Ты права, – сказал Пол. – Нам нужен хоть какой-то контроль качества. А то у нас тут один придурок пытается засудить какой-то алкомаркет в Верхнем Вест-Сайде, поскольку его дядя из-за него спивается. Может, мне и не по душе многая ерунда, которой они тут занимаются, но по крайней мере «Янг & Крейн» не навязывают юридические услуги жертвам несчастных случаев. Что там у тебя за дело?

– Уголовное.

Пол сощурился, откинулся в кресле.

– Что там конкретно?

– Арестовали приятеля, с которым я училась на одном курсе на юрфаке, – начала я, но дальше нужно было переходить к главному – к преступлению. Лучше всего было выложить всю информацию. – Обвинили в нападении на офицера. Он утверждает, что это случайность. Его жена погибла, и он был в шоке. Он не специально ударил офицера.

Брови Пола взметнулись вверх. Он прижал к губам кончики указательных пальцев, сложив руки.

– Погибла?

Черт! Он заинтригован?

– Убита. Пока что моему другу не предъявили обвинения в связи с ее смертью, но, вероятно, предъявят. В любом случае ему нужен адвокат. Очевидно, я не гожусь на эту роль, но он...

– Почему? – Пол пристально посмотрел на меня.

– Почему не гожусь?

– Ну да. Ты теперь адвокат защиты или нет? И тебя бы не взяли, если бы ты не была хорошим адвокатом?

Ох, мы ступили на опасную территорию. Пол принудительно примирился с тем, что пришлось переключиться с обвинения на защиту. Он разозлится, если поймет, что я неспособна сделать то же самое.

– Да, но мой опыт ограничивается экономическими преступлениями.

– Пока ты работала в прокуратуре, ты занималась и другими уголовными преступлениями. Как и все.

Это правда. Я три месяца проработала в отделе по борьбе с общеуголовными преступлениями в Южном округе сразу после юрфака. Но все преступления, с которыми я имела дело, были ненасильственными. Вообще-то я даже гордилась тем, как ловко я избегала крови и увечий, поднимаясь при этом по карьерной лестнице без затруднений. Меня даже повысили и перевели в отдел по противодействию мошенничеству, где в поле зрения не попадалось ни капли крови.

– В основном я занималась нарушением миграционного законодательства и обвинениями в хранении и торговле наркотиками. Но никогда не сталкивалась с убийствами, – сказала я. – В любом случае, насколько мне известно, «Янг & Крейн» не берут тяжких насильственных, так что...

– А где это случилось?

– В Центр-Слоуп, – ответила я.

– В Бруклине, да? – Пол кивнул, по-прежнему щурясь. – Сам я рос в Проспект Леффертс, а детей растил в Бруклин-Хайтс.

Я внезапно ощутила, что ключ выскальзывает из моих пальцев и вот-вот провалится в щель между половицами. Я перестала контролировать то, что привело меня в кабинет Пола. Перекрестный допрос вел куда более опытный человек.

– Как бы то ни было, моему другу, очевидно, полезнее был бы адвокат, у которого есть опыт в делах об убийстве.

– Я так понимаю, ты ему это сказала? – уточнил Пол.

– Да, сказала.

– А он что?

– Сказал, что его это не волнует. Он хочет, чтобы его интересы представляла именно я. – Я пыталась придать голосу твердости. – Он просто не в состоянии ясно мыслить. Ему нужен кто-то, кому он может доверять.

– Мне так кажется, что он очень даже ясно мыслит, – возразил Пол. – И совершенно точно ему нужна ты.

В том, как он это произнес, явно чувствовался вызов. *Так чего же ты боишься?* Страх – еще одно запрещенное у Пола чувство.

– Он испуган. – У меня неприятно сжался желудок.

– Понятное дело, – буркнул Пол. – Мы-то с тобой знаем, что невиновные то и дело попадают в тюрьму. Даже мы лично парочку таких засадили.

«Нет», – подумала я. Если бы я так считала, то уволилась бы давным-давно. Как может Пол на голубом глазу говорить такие вещи?!

– Вернемся к моему первоначальному вопросу. Так почему же не ты?

Потому что я никогда не занималась и не буду заниматься делами об убийстве. Я даже не могу объяснить толком причину. Кроме того, моя жизнь и так в полном раздразе. Но я не могу ничем из этого с тобой поделиться, чтобы тебя не разочаровывать.

– Я старший юрист, а не партнер. Ты же сам говорил, что старшие юристы не берут себе собственных дел.

Пол взял со стола ручку, повертел в пальцах.

– Да, ты не партнер. Пока что. – Его глаза тревожно поблескивали. – Но я-то партнер. Я не говорю, что готов работать ночи напролет вместе с тобой, но я готов оказать содействие.

Хоть ты тресни, я не понимаю, как этот разговор закончился тем, чем закончился – предложением представлять Зака.

– Ладно. Здорово... – пробормотала я, поскольку Пол, похоже, ожидал благодарности. Мое сердце гулко колотилось.

– Кто твой друг? – спросил Пол. – То есть наш клиент.

– Зак Грейсон, – ответила я. – Основатель...

– Я слышал это имя, – перебил меня Пол, – основатель логистической компании. Я читал о ней в «Гарвард бизнес ревью».

– ЗАГ.

– Да-да, она. Чтобы компании могли отправлять заказы, как «Амазон». – В его голосе звучала брезгливость. – Почему народ не может просто закупаться в магазинах, как в старые добрые времена?

Да потому что они впахивают сутками напролет на таких, как ты.

– Зак уже продал полный пакет акций компании, – сказала я. – Открывает что-то новое в Нью-Йорке.

– Его привлекли к суду?

Я кивнула.

– Вчера. За нападение на офицера. Наверное, ждут результаты от криминалистов. В залоге отказали.

– Отказали? – проворчал Пол. – Тогда первым делом готовим документы о рассмотрении законности его ареста. Чтоб вытащить его из этой дыры. Затем разнюхаем в окружной прокуратуре, выясним, что там у них есть по делу об убийстве. Похоже, особо предъявить нечего, иначе бы уже предъявили. – Пол помолчал. Его лицо полыхало от волнения. Я, как последняя идиотка, распахнула дверь, и он тут же влез, куда не просят. – Думаешь, он виновен?

– Нет. Я так не считаю.

Это правда. Я так не думала. Мне ничего не было известно.

– Но даже если он виновен, у него есть право на защиту, так? – Пол посмотрел мне прямо в глаза. – Тебе придется поверить в это, иначе не сработает.

– Понимаю.

Я правда понимала. Но в тот момент я, как никогда, жалела, что ушла из прокуратуры. Всем положена защита. Но это не значит, что эту защиту предоставлю я. Я для себя давным-давно смирилась с этим фактом. Пол еще пару минут разглядывал мое лицо.

– А чего ты тогда ждешь? – спросил он довольным голосом. – Иди и приступай к документам о законности ареста.

Я кивнула, постояла немного и нетвердой походкой направилась к двери.

– И дай мне знать, если не сможешь найти помощника окружного прокурора, который занимается этим делом! – крикнул мне вслед Пол. – У меня есть знакомые в окружной прокуратуре Бруклина.

Когда я добралась до уголовного суда Бруклина, чтобы переговорить с государственным защитником Зака, слушания уже были в полном разгаре. Я позвонила в его контору и оставила голосовое, но мне никто так и не перезвонил. Я какое-то время посидела в заднем ряду, все еще приходя в себя после разговора с Полом. В отличие от величественного федерального суда в Манхэттене с его темно-красными деревянными стенами и потолками с золоченой отделкой в этом суде все было сугубо практичным. Здание высокое и современное, а деревянная отделка внутри – сосна медового цвета. Никакой живописи маслом, никакого бремени истории. Зато полным-полно несчастных людей. Зал для слушаний был битком набит, тут же в галерее в бесконечном ожидании толпились ответчики, которых оставили на свободе, адвокаты, родственники и друзья. Ничего общего с самоуверенными богатыми ответчиками в федеральных слушаниях по делам о мошенничестве, которые всегда влетали в зал заседаний в последнюю минуту, слишком занятые, чтобы чего-то ждать. В этом суде большинство людей выглядели уставшими, печальными и испуганными. За барьером, отделяющим суд от ответчиков, в дальнем конце за столом слева сидела прокурор, коротко стриженная блондинка с кислым выражением лица, причиной которого, возможно, стало облегающее платье с запахом, не льстившее фигуре, а возможно, должностные обязанности. Если окружная прокуратура хоть чем-то напоминает генеральную, то такие слушания поручают младшим юристам прежде, чем через некоторое время поручить им более престижные задачи – разбираться с преступлениями на сексуальной почве и с уголовными преступлениями, включая убийства. Целый час я наблюдала стремительные монотонные слушания в надежде, что перед судом появится Адам Рот-чего-то-там. Вместо этого перед моим остекленевшим взором подавались прошения, убирались пункты обвинений, перетасовывались какие-то папки. Вызывались фигуранты следующего дела. Я уже начала подумывать о том, чтобы все бросить, но тут начались следующие слушания.

– Дело номер 20—21345, Рэйм, Гарольд, убийство второй степени! – гаркнул секретарь.

Через вращающиеся двери справа, предназначенные для ответчиков, заключенных под стражу, завели невероятных размеров мужика с блестящей лысиной и могучими розовыми руками, сплошь покрытыми яркими татуировками. Он даже не шел, а еле волочил ноги. Такой мог бы вырубить Зака одним взмахом руки. Адвокат, мельтешивший рядом с ним – молодой долговязый парень, кучерявый, в очочках, – скорее напоминал профессора литературы, чем

защитника по уголовным делам. Он наклонился к своему устрашающего вида клиенту и ласково улыбнулся, а потом сказал что-то, отчего мужик злобно зыркнул на него.

– Адам Ротштейн, Бруклинская служба государственных защитников, ваша честь.

А вот и он.

Появился новый прокурор, чтобы забрать дело у блондинки, вероятно, потому что это было дело об убийстве. Сейчас в Нью-Йорке меньше трехсот убийств в год. Обвинения в убийстве стали чем-то особенным. Новый прокурор был значительно ниже ростом, чем Адам Ротштейн, но его костюм был тщательно отглажен, да и сам он выглядел куда более отдохнувшим. Новый игрок на поле – очень полезно, когда тебя вызывают на рассмотрение одного-единственного серьезного дела, а не бросают в людское море мелких преступников, многие из которых тем не менее заперты в Райкерс вместе с Заком и этим чудовищным мужиком.

– Подсудимый признает свою вину? – спросил судья монотонным гнусавым голосом.

– Не виновен! – заявил подсудимый.

Судья продолжал что-то изучать в своих записках.

– Что по поводу залога?

– У моего клиента трое детей, и ему нужно возвращаться на работу, – пылко начал Адам звеневшим от переизбытка чувств голосом. Мне так и хотелось сказать: притуши фитилек. – Его семья местная. Его уже арестовывали в связи с мелкими хищениями, у него нет машины и паспорта. Он никуда не денется, ваша честь.

– Ваша честь, это дело об убийстве, – возразил прокурор, излучая спокойное моральное превосходство. Я вспомнила, каково быть на его месте – в буквальном смысле возвышаться над всеми в зале. Головокружительное ощущение. Господи, какой же душой я была, принимая власть, которую мне давало положение, за что-то, чего я добилась сама.

– Улики продемонстрируют, что это явная самозащита, – не унимался Адам. – Убийца заявился домой к моему клиенту, вооружившись охотничьим ножом.

– Обвиняемый застрелил его еще на подходе к дому на расстоянии более тридцати футов, – сообщил прокурор, манерно растягивая слова. – Хотите сказать, вашему клиенту не хватило силы духа просто запереть входную дверь?

Судья, похоже, не слушал ни одного ни другого.

– Назначен залог в двести тысяч.

Он ударил молотком, и слушание закончилось.

– Что за херотень? – зарычал подзащитный на Адама, пока его тащили прочь из зала. – Ты чего творишь, мудака!

Плечи Адама поникли.

На часах было всего одиннадцать тридцать, когда объявили перерыв на обед. Я подождала, пока Адам собрал свои вещи, и последовала за ним на выход.

– Адам Ротштейн! – окликнула я его в переполненном вестибюле.

Адам остановился, собираясь с духом и готовя себя к очередным нападкам – со стороны прокурора или семьи ответчика. Наконец он сделал глубокий вдох и повернулся, выдавив из себя слабую улыбку.

– Да?

– Я подруга Зака Грейсона, – начала я, не в силах заставить себя произнести, что я его адвокат.

Адам наклонил голову набок, словно бы пытаясь понять, о ком я. Разумеется, у него десятки новых дел ежедневно. К моему удивлению, это заняло всего секунду.

– Ах да, Зак. – Он шагнул ко мне, его лицо было обеспокоенным. – Вы знали его жену? Такой ужас...

– Нет. Мы вместе с Заком учились на юрфаке, потом я работала в отделе по борьбе с мошенничеством в Южном округе, а сейчас ушла в коммерческую контору. Зак попросил меня взять это дело. У меня нет опыта представления клиентов в суде штата и по обвинению в тяжких преступлениях, но...

– Отлично! Я передам вам материалы дела, – сказал Адам. – Если вы работали в Южном округе, то определенно и с этим справитесь. Кроме того, мы с вами знаем, что самое важное – это ресурсы. Я пекусь о своих клиентах как о родных. – Он замялся. – Спросите мою жену. Она говорит, что это ненормально. Но дорогостоящий эксперт во сто крат лучше любой самоотверженности и опыта.

– Вашим клиентам с вами повезло.

– Если бы все решали только добрые намерения, – посетовал Адам. – Взять, к примеру, Зака. Его должны были выпустить под залог.

– Вы правы. Мы планируем поставить под сомнение законность его ареста. Мне поможет все, что вы можете рассказать о слушаниях.

Адам заглянул через стеклянное окошко в маленькую комнатку, так называемую переговорную адвокатов. Убедившись, что там никого нет, он придержал для меня дверь.

– Пойдемте сюда, – он подождал, пока я войду, вошел сам, закрыл за собой дверь и только тогда снова заговорил: – Судья принимает решение о залоге исходя из жестокости совершенного преступления. Ребята из окружной прокуратуры умудрились подsunуть ему фотографии с места убийства.

– Но это создает необъективное предубеждение!

Так-то оно так, но ничего особенно шокирующего.

– Да, именно, – проворчал Адам. – Обвинение о нападении на офицера при исполнении, а ему суют снимки кровавого убийства, на которых запечатлена красивая блондинка. Но прокурор возразил, что я сам упомянул место совершения преступления, когда сказал, что Зак был эмоционально подавлен из-за убийства жены. Раз! И судья уже разглядывает фотографии, чтобы оценить обоснованность возражения. – Он с отвращением покачал головой. – Прошу заметить, это не имеет никакого отношения к слушанию о залоге, где должен рассматриваться исключительно...

– Риск побега, – закончила я за него мысль. Но я понимала, в какую игру играет прокурор. Я и сама раньше в нее играла.

– Именно! Побега! – воскликнул Адам. – Но потом судья взглянул на фото, и нас отбрили. Его будут держать в тюрьме, пока не предъявят обвинения в убийстве.

Я скрестила руки.

– Но это Райкерс. И это чья-то жизнь.

Мне тут же захотелось взять свои слова обратно. Как я и ожидала, лицо Адама посуровело.

– Это всегда чья-то жизнь. – И, разумеется, он был прав. – Слушайте, я бы побыстрее подал жалобу на незаконность удержания под стражей. Как только ему предъявят обвинение в убийстве, ни о каком залоге и речи не будет. А большое жюри предъявит официальное обвинение. Наверняка его отпечатки пальцев есть на той клюшке для гольфа. Это же его клюшка. Добавьте к этому какой-нибудь креативный анализ брызг крови и мелкие супружеские проблемы, и вот у них уже беспроблемный вариант.

– Супружеские проблемы? – переспросила я. – Это вам Зак сказал?

– Нет, – Адам скривился. – Но он ведь был женат. В каком браке нет проблем? – Он встал и щелкнул пальцами. – А тут еще и действующий ордер на арест. Не то чтобы это стало решающим фактором в вопросе о залоге, но ситуацию определенно не улучшило.

– Ордер? – Я почувствовала, как краснеет шея.

– Зак сказал, что это, наверное, какая-то ошибка, – ответил Адам, но в его голосе сквозило сомнение. – Прокурор сказал нам только, что ордер был выписан тринадцать лет назад в Филадельфии за какой-то неуплаченный штраф, даже не за судебным наказуемый проступок. Но в те стародавние времена не было компьютеров, так что никто толком не знает, какое это было нарушение. Зак в упор не помнил, но ему пришлось признать, что в тот момент он действительно жил в Филадельфии. Поскольку волей судьбы он уже успел увидеть те жуткие фотографии, ему этого хватило.

– Вам показалось, что Зак и правда удивился, услышав про тот ордер?

Адам довольно долго размышлял над моим вопросом, что меня обнадежило. Наконец он ответил:

– Да, он искренне удивился. Он даже потребовал доказательств. По моему опыту, лжецы обычно так не делают. Это могла быть какая-нибудь ерунда типа жалобы на шум. Он ведь тогда был студентом. Я даже подумывал погасить эту задолженность, но это такая старина, что нужно ехать лично в Филадельфию, а мне это не по карману. Но ваша фирма ведь сможет кого-то послать? Я бы еще выяснил, какая прокуратура не унимается с этим делом и почему. Судьи ненавидят, когда им морочат голову по пустякам. Одного этого хватило бы, чтобы выпустить его под залог.

– Что вы имеете в виду? – спросила я.

– Зак рассказал вам о помощнике прокурора, который появился на месте преступления?

– Сказал только, что это был какой-то парень в костюме.

– Да, помощник прокурора Льюис. Он там на подхвате в делах по убийствам. Помощник из Бюро предварительной оценки, который изначально занимался делом Зака, мимоходом оговорился, что Льюиса вообще в тот вечер не должно было быть на вызове или что-то типа этого. Я почти уже уболтал его на то, чтобы обвинения вообще отозвали, учитывая произошедшее с женой Зака, но тут он позвонил этому самому Льюису, и весь разговор насмарку. Очевидно, убийство в Центр-Слоуп – резонансное дело, но у меня появилось ощущение, что кто-то дополнительно поддает жару.

Он был прав. Дело Зака было из разряда тех, которые Бюро предварительной оценки отфутболивало постоянно: преследование, если уж поразмыслить, было инициировано из-за накала эмоций на месте преступления.

– А что, по-вашему, на самом деле происходит? – спросила я.

– Это политика. Бруклинский окружной прокурор собрался в этом году в отставку. Насколько я слышал, началась подковерная борьба за место его преемника. Но Льюис, помощник окружного прокурора, тут ни при чем. Слишком мелкая сошка. От этого выигрывает кто-то другой. Такое громкое дело...

– Может помочь кому-то сделать карьеру.

Он взглянул на часы.

– Мне нужно перекусить, прежде чем снова вернуться сюда. Но если я могу еще чем-то вам помочь, дайте знать.

– Спасибо! – поблагодарила я. – Я очень ценю вашу помощь.

Адам направился к двери, но замешкался и обернулся:

– Так или иначе, я не думаю, что Зак убил жену. Я не такой доверчивый, как может показаться. Давайте взглянем правде в лицо: большинство моих клиентов виновны, как я не знаю кто.

Свидетельские показания перед большим жюри

Беатрис Бреттн вызвана в качестве свидетеля шестого июля, подверглась допросу и дала следующие показания:

Допрос проводит миссис Уоллес

В: Спасибо, что пришли, миссис Бреттн.

О: Пожалуйста. Но я не знаю, что вам сказать. Я ничего не знаю о том, что случилось с той женщиной.

В: Вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, в Центр-Слоуп второго июля этого года?

О: Ну да. Но я не знаю, что случилось с Аmandой.

В: Не могли бы вы отвечать на мои вопросы, только когда я их задаю?

О: Простите. Ладно. Я просто нервничаю.

В: Я понимаю. Но нервничать нет необходимости. Мы всего лишь пытаемся прояснить ситуацию, и все.

О: Да, разумеется.

В: Так вы присутствовали на вечеринке на Первой улице, 724, в Центр-Слоуп второго июля этого года?

О: Да.

В: Вы пришли на вечеринку с кем-то?

О: Да. Со своим мужем Джонатаном. Он знаком с Керри. Поэтому нас и пригласили.

В: Кто такой Керри?

О: Керри Таннер, муж Сары Новак. Она лучшая подруга Мод. Мы видели Керри мельком. Когда уходили. Мы не разговаривали с ним. Были слишком заняты тем, что пытались украсть надувной мячик.

В: Украсть надувной мячик?

О: Ну, не украсть... я хочу сказать... это глупо, конечно. Мы прихватили его домой. Он стоит-то бакса два. Да и вообще это были подарки для гостей, как мне кажется. Мы перебрали с алкоголем. Вечеринка была веселая, но все напились.

В: Вы вступали с кем-то в тот вечер в сексуальные отношения?

О: Что?

В: Вы вступали с кем-то в сексуальные отношения на вечеринке на Первой улице, 724, вечером второго июля?

О: А вам-то какое дело?

В: Вы не могли бы ответить на вопрос, миссис Бреттн? Нужно ли его повторить?

О: Нет.

В: Нет, не вступали в сексуальные отношения?

О: Нет, не нужно повторять вопрос. Он довольно бесцеремонный. Я не собираюсь рассказывать всем о своей личной жизни.

В: Это закрытое слушание.

О: Но члены жюри тоже люди. Вот они сидят прямо передо мной.

В: Миссис Бреттн, пожалуйста, ответьте на вопрос. Вы под присягой.

О: Да, у меня были сексуальные отношения в тот вечер. Но это вас не касается.

В: Вы можете описать характер этих сексуальных отношений?

О: Вы шутите?

В: Миссис Бреттн, это расследование убийства. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

О: Я сделала минет какому-то парню на втором этаже в спальне. Довольны? Это оскорбительный вопрос! Да, это не был мой муж, но обычно я таким не занимаюсь! Просто это была особая вечеринка, понимаете?

В: Нет. Я не понимаю.

О: Разрешены всякие безумства.

В: Безумства?

О: Ну, не в плохом смысле слова. Я имела в виду, можно повеселиться. Детей нет рядом. А мы все родители со стажем. А стаж семейной жизни и того дольше. Эти вечеринки, которые устраивали Мод и Себ, были безобидными. Потом никто о них и не вспоминал, как будто ничего и не было.

В: Безобидными?

О: Вы понимаете, о чем я.

В: Вы видели Аманду в тот вечер?

О: Буквально на секунду, когда уходили. Она как раз пришла.

В: В котором часу это было?

О: Около девяти вечера, мне кажется.

В: Она была одна?

О: Нет, с каким-то парнем. Но я не знаю, кто это. Никогда его раньше не видела.

Аманда

За пять дней до вечеринки

Всю дорогу до паба «Гейт», где планировался девичник, Аманде казалось, что за ней следят. Звонки – это одно, но Аманда никогда не верила, что за ними стоит кто-то из плоти и крови. Тем не менее в ту же секунду, как она вышла из дома, она готова была поклясться, что прямо-таки ощущает, как кто-то преследует ее по темным закоулкам Центр-Слоуп. Не просто кто-то, а *он*. Да, район безопасный, очень даже безопасный. Но безлюдный квартал и есть безлюдный квартал. Случиться может все что угодно, а рядом никого не окажется, чтобы помочь.

Ситуацию усугубляло то, что Аманда с самого утра была на взводе. Ей снова приснился все тот же идиотский кошмар о Кейзе... снова она бежит в платье, босиком, вся в крови, перед ней вырастает закусовая, а где-то вдалеке воют сирены, предупреждая насчет сына. В этот раз эпизодическая роль во сне досталась Кэролин. Еще до пробежки босиком в темноте. Аманда с Кэролин сидели, скрестив ноги на кровати, хихикая и перешептываясь, и ели пиццу. Обе в тюлевых платьях пастельных тонов: Аманда в персиковом, Кэролин в нежно-голубом, цвета морской пены. Почему ей каждый раз снятся платья? Аманда чувствует себя виноватой из-за ломящегося от всякого шмотья гардероба? Во сне ее разум превращает безобидные вещи во что-то куда более угрожающее?

Если бы только это – темный квартал и возможный незнакомец за спиной – оказалось сном. Как он вообще ее нашел? Да, Аманда сейчас живет ближе к Сент-Коломб-Фоллс, чем когда-либо за все эти годы. Но до Нью-Йорка все равно шесть долгих часов езды. Можно подумать, он отследил грузовой автомобиль, перевозивший мебель.

Аманда бросила взгляд через плечо, пока преодолевала остаток пути по Третьей улице. Она ничего не увидела. Но когда попыталась сделать глубокий вдох, легкие словно окаменели, а по коже побежали иголки. Совсем как тогда. Непосредственно перед.

Она знала, что сказала бы Кэролин. *Расскажи Заку*. Сара тоже настаивала, что задача мужа – защищать жену, и наоборот. Но что, если проблемы ты навлекла сама на себя? Справедливо ли перекладывать их на супруга? Аманда должна уменьшить стресс для Зака, а не усиливать его. На него и так давят со всех сторон. По крайней мере она могла бы выполнять свою часть сделки.

Аманде было семнадцать, когда Зак переступил порог офиса мотеля «Владыка» одиннадцать лет назад. Он кардинально отличался от обычных постояльцев мотеля, где Аманда тогда не только работала, но и жила. Зак был в два раза subtilнее дальнбойщиков и лесозаготовителей и настолько же мягче. Этот парень за всю свою жизнь ни разу рук не замарал. Он, правда, и особо мужественным ей не показался, но бывают вещи и хуже. Намного хуже. И как бы то ни было, у него была очень милая улыбка.

А еще Зак по-особенному посмотрел на Аманду, когда они впервые увидели друг друга в тот первый вечер. Как исследователь, который только что открыл редкий вид на собственном заднем дворе – оживленно и нервно. Аманде всю ее жизнь говорили, что она красивая, но до того момента красота воспринималась как обуза.

У Зака было хорошее образование. Аманда все это узнала уже на следующий день, когда они снова столкнулись. Зак только что вернулся после долгой прогулки и выглядел подтянутым, спортивным и уверенным, несмотря на грязные походные ботинки, а легкая щетина лишь добавляла ему привлекательности. Он недавно окончил юрфак и бизнес-школу – причем одновременно! – и решил немного отдохнуть и полазать по горам Адирондак перед тем, как отправиться в Калифорнию работать. Зак наметил себе цель и направление.

– Ух ты, Калифорния! – воскликнула Аманда, ощутив легкий укол зависти. – Там так солнечно! А я никогда нигде не бывала, кроме Сент-Коломб-Фоллс.

– Так поехали со мной. – Зак пожал плечами. Прямо, просто и безумно. – Что бы там ни было, все лучше, чем здесь. Не думай о том, что я от тебя хочу, вообще обо мне не думай. Разве ты не хочешь уехать ради себя самой?

Как будто он все *знал*. Хотя он, разумеется, не знал. И никогда не узнает. За прошедшие годы Зак не потрудился заполнить даже самые очевидные пробелы в прошлом Аманды. Она осознала, что один из самых выдающихся талантов ее мужа заключается в том, чтобы концентрироваться только на том, что для него важно. Наверное, это секрет его успеха.

Тогда в мотеле «Владыка» Зак протягивал ей блестящий золотой билет в Калифорнию. Прочь отсюда. Далеко-далеко. В конкретный пункт назначения. Аманде оставалось только протянуть руку и схватить его. Аманда спросила себя: что бы сделала Кэролин? Ответ был очевиден. Кэролин рванула бы вперед.

Вот так Аманда вдруг очутилась рядом с арендованной машиной Зака, пока он выписывался из мотеля. Он изобразил удивление при виде Аманды, но она была совершенно уверена, что он не удивился. Если только чуть-чуть.

Он улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, от которой у нее становилось тепло на душе, и сказал:

– Поехали отсюда на фиг!

Они засунули три коробки с ее пожитками в багажник и помчались на запад, опустив крышу автомобиля, и ветер играл их волосами. В безопасности. Живая. Свободная. А над головой лишь тьма и звезды. Аманда поняла тогда, что сделает все от нее зависящее, лишь бы никогда не возвращаться в Сент-Коломб-Фоллс.

Вот только она никогда не рассчитывала – и даже не рассматривала такой вариант, – что Сент-Коломб-Фоллс сам настигнет ее.

Аманда ускорила шаг, пока в поле зрения не показался «Гейт» на углу Пятой авеню, ярко залитый огнями. В этом старомодном пабе Сара, Мод и время от времени другие мамочки собирались раз в две недели пропустить по стаканчику. В пабе был симпатичный интерьер, и здесь тусили юные бездетные особы, как любила говорить Сара, при этом в ее голосе в равных долях смешивались зависть и презрение.

Оказавшись в непосредственной близости от паба, Аманда остановилась и в последний раз посмотрела через плечо. За спиной никого не было. Ну или, по крайней мере, она никого не увидела.

Аманда увидела, что Мод и Сара устроились в одной из дальних кабинок, отделанных красным деревом. Мод сидела, поджав под себя ноги по-кошачьи, и хохотала, запрокинув голову. Сара подалась вперед и что-то рассказывала ей с фирменной ухмылочкой. Аманда была рада, что пришла. В уголке уютно устроились ее *подруги*. Нет, они не были ей как сестры, не были такими близкими подругами, как Кэролин, но такая близкая дружба складывается в течение всей жизни. За столь короткий период времени отношения с Сарой и Мод выстроились куда лучше, чем все, на что могла надеяться Аманда.

Аманда познакомилась с Сарой в коридоре рядом с классом, где шли уроки у Генри и Кейза, и они тут же поладили. Аманде всегда нравились уверенные общительные женщины типа Сары, которым было плевать на ее внешность, на то, сколько у нее денег или насколько она спортивна. Аманда при всем желании не могла считать себя спортсменкой, но могла с легкостью пробежать десять миль, причем даже она вынуждена была признать, что бежит быстро. За эти годы многие женщины изъявляли желание бегать по утрам вместе с Амандой, пить кофе или даже дружить. Но рано или поздно эти женщины всегда начинали пристально рассмат-

ривать Аманду и старались дистанцироваться, боясь не выдержать сравнения. Неизбежно эта ревность превращалась в острое, которым они тыкали в Аманду, не оставляя камня на камне.

Она *правда* не училась в колледже? Как интересно. Она *правда* не бывала в Европе? Стыд и срам! Она *правда* не участвует в делах мужа? Как... необычно. А сколько, кстати, ей лет?

Двадцать восемь. Аманде было двадцать восемь. Зачастую лет на пятнадцать меньше, чем мамам ровесников Кейза. Но иногда расстояние между ними казалось еще больше. Оно казалось бесконечным и непреодолимым.

Стоя в дверях паба, Аманда бросила взгляд на свою кипенно-белую блузу и босоножки на платформе от «Прада», которые носили все жительницы Нью-Йорка, как заверила ее продащица в универмаге «Барнис», куда Аманда отправилась обновить гардероб в надежде, что купит то, что нужно. Правда, Аманда не уточнила, что под словосочетанием «местная жительница» она имела в виду «мамочку из Центр-Слоуп», а в Центр-Слоуп женщины носили совершенно иную униформу. Взвешенное безразличие – вот как они выглядели. Мамочки Центр-Слоуп были красивыми и подтянутыми, но были выше того, чтобы заморачиваться всякими глупостями типа моды. У них было полно других забот, таких как судебные тяжбы, дети и карьера. Другими словами, Аманде требовалось научиться наносить точное количество консилера и туши, чтобы казаться безупречно ненакрашенной.

К несчастью, Аманда продолжала допускать промах за промахом в этом отношении. В этом вся проблема, когда ты кем-то притворяешься – не кем-то другим, а просто кем-то. Легко перегнуть палку.

Аманда старательно улыбалась, проталкиваясь к кабинке, где сидели Мод и Сара, по дороге она слегка взлохматила длинные волосы и закатала белые рукава, пытаясь придать себе более непринужденный вид.

– Простите, я чуть опоздала. – Аманда жестом показала на свой наряд и выдала невинную ложь: – Была на встрече доноров.

Вроде бы ничего и не сказала, но в то же время сказала так много.

– Посмотри на эти туфли, Мод! – заверещала Сара, тыча пальцем в ее босоножки. – Обалденные!

Мод потеснилась на диванчике и нагнулась посмотреть на туфли.

– Дай-ка взглянуть. Вау! Потрясные! Тебе нужно как-нибудь взять меня с собой по магазинам, Аманда.

Это была дружеская любезность. Обе отлично знали, куда ходить за покупками, и могли себе позволить делать это, когда им вздумается. Просто предпочитали не шататься по магазинам, поскольку у них имелись куда более важные дела.

Мод работала в галерее, ее муж был авторитетным акушером-гинекологом, и они растили дочь Софию, ровесницу среднего сына Сары Уилла. Их дети вместе учились в Грейс-Холл, в десятом классе, так они и познакомились. Но возраст детей был единственным, что у Мод и Сары было общего как у матерей. Сара частенько подшучивала, что Мод не просто наседка, а безумная наседка-камикадзе. Мод и София были очень близки, и Аманда видела, что Мод окружает дочь настоящей любовью.

Мод была не только успешной бизнес-леди и заботливой мамочкой, но еще и без особых усилий выглядела сексуально: кожа цвета слоновой кости с россыпью веснушек, темно-карие глаза и рыжие кудри. Ее муж Себ был французом, но учился на медицинском в Штатах. Аманда пару раз видела его, когда он подвозил Мод до паба. Высоченный, великолепно сложенный, Себ с его смуглой кожей и глазами цвета лесного ореха был потрясающе красив, и особый шарм ему придавал акцент. В первый раз, увидев его, Аманда не могла отвести глаз.

– Ты бы видела свое лицо, – засмеялась Сара, когда Себ ушел.

– Мое лицо? – переспросила Аманда.

– Я тебя не осуждаю, но у тебя ж прямо слюнки потекли. Не переживай, я точно так же отреагировала, когда впервые увидела Себа. – Она повернулась к Мод, которая уткнулась в телефон. – Какой все-таки у тебя красавчик муж, Мод, а еще он талантливый, очаровательный, и благодаря ему рождаются дети. А теперь он занялся этим стартапом с генетическим тестированием онлайн. Как он называется? Цифровая ДНК? В итоге он тоже станет миллиардером. Это уже слишком!

– Ну, дети рождаются не благодаря Себу, – добродушно поправила ее Мод. – Их рожают женщины. А в той конторе он всего лишь медицинский консультант, так что больших выплат ждать не приходится. А еще он разбрасывает носки. Мужья – они и есть мужья, и не важно, как они выглядят.

– О, ты бы со стула упала, Аманда, если бы увидела Себа без рубашки, – предупредила Сара, увернувшись от Мод, которая попыталась ее в шутку шлепнуть. – Это правда. Мы были на пляже, когда я впервые увидела Себа с голым торсом. Меня чуть волной не накрыло.

Аманда даже еще сесть не успела, как к ним подошел официант – низкорослый самоуверенный бородач. Аманда заметила, что на столе уже стоят две кружки пива. Жители Бруклина предпочитали крафтовое пиво. Ее друзья в Пало-Альто почти всегда заказывали коктейли.

– Индийский пейл-эль, пожалуйста, – попросила Аманда.

Официант кивнул с недовольным видом, словно бы она обременила его какой-то безрасудной просьбой, и удалился.

– Мы тут как раз обсуждали, что наши гадкие дети еще не удосужились написать нам из лагеря, – прощепетала Сара. – Есть новости от Кейза?

– Видимо, их в лагере заставляют писать, – сказала Аманда, аккуратно продвигаясь на диване. – Это очень милое местечко на Западном побережье.

Многие, но, разумеется, не все дети из Центр-Слоуп разъехались. Остальные чуть позже тоже уедут в летние лагеря на смены покороче. Аманде дико хотелось полететь на Западное побережье вместе с Кейзом и проследить, как он устроится. Но он настоял на том, чтобы ехать одному. Сама Аманда впервые полетела на самолете, когда познакомилась с Заком, не говоря уже о путешествии через полстраны в возрасте Кейза. Жизнь ее сына кардинально отличалась от ее детства. Он жил с уверенностью, что мир – безопасное место. И это хорошо, не уставала напоминать себе Аманда. Очень хорошо.

Когда пришло первое письмо, Аманда удостоверилась, что сделала правильный выбор. Кейз написал две страницы убористым почерком о том, как круто было лететь и как чудесно-расчудесно он проводит время. Его беспокоило только, что Аманда сильно по нему скучает, от чего ее охватило чувство вины. Она написала несколько писем, чтобы доказать Кейзу, что чудесно справляется без него, хотя это было и не так. Без сына Аманда чувствовала себя потерянной. Но в письмах она убеждала сына в обратном и писала, что в конце лета у них будет куча времени, чтобы рассказать друг другу все в подробностях. По предложению Сары Аманда уже арендовала на вторую половину августа домик на Файер-Айленд, в котором почти наверняка они будут одни с сыном. Заку не нравились пляжи. И отпуска.

Сара посмотрела на Мод и закатила глаза.

– Я же тебе говорила, Мод. Разумеется, Аманде уже пришли письма. Кейз – чудесный идеальный мальчик и любящий сын. Честно, Аманда, это просто отвратительно! Вы все еще держитесь за руки!

Аманда вспомнила Генри, младшего сына Сары. Да, она права. Он не был ни чудесным, ни любящим.

– У тебя самый красивый муж, Мод, – продолжила Сара, – зато у Аманды самый идеальный сын. Ну же, колись, сколько писем тебе уже прислал Кейз?

– Не знаю... может, шесть? – ответила Аманда, хотя знала точно.

Одиннадцать. Она получила одиннадцать писем за те восемь дней, пока Кейз был в лагере. Да, многовато, но все они были полны радости, в них совсем не ощущалась тоска по дому, так что беспокоиться было особо не о чем.

– София пару раз написала из Коста-Рики, – сказала Мод. Ее голос внезапно дрогнул. – Проблема не в этом.

– Стоп! Получается, я единственная мать, которая не получила ни единого гребаного письма? – воскликнула Сара.

– Проблема в том, как София пишет... Она просто... – Мод осеклась, и в этом было что-то необычное и тревожное. – ...не похожа на себя. Она... в депрессии.

– Уверена, все у нее в порядке, – заверила ее Сара. – Слушай, Джексон писал мне ужасные вещи, когда они собрались в турпоход, умолял приехать и забрать его. Разумеется, в итоге его выворачивало наизнанку, а потом он угодил в больницу с сепсисом... но в любом случае это был для него полезный опыт.

– Сепсис?! – Глаза Мод расширились. – Зачем ты мне рассказываешь такие ужасы?

Сара зажала рот ладонью.

– Господи! Прости, пожалуйста. – Второй ладонью она накрыла руку Мод. – Я не это хотела сказать. У Софии совершенно точно нет сепсиса. Лагерь, куда я тогда отправила Джексона, скорее напоминал исправительную колонию. Это была летняя программа «Воспитание испугом»³, помнишь? Они сами себе ловили рыбу, чистили и готовили. Он скорее всего за лето руки вымыл только разок. Лагерь, в который ты отправила Софию, совершенно другой, Мод. Там же все организовывала наша школа, а ты знаешь, с каким вниманием они относятся к деталям. Кроме того, София – это тебе не Джексон. Может, она и начала наконец-то вести себя как обычный проблемный подросток, а не как твоя лучшая подруга, но я уверена, что тебе не о чем волноваться.

Мод сделала еще глоток пива и улыбнулась, хотя не выглядела особо расслабленной.

– Надеюсь, ты права.

– Разумеется, я права. – Сара снова сжала руку Мод. – А теперь мы можем сменить тему, перестать говорить о детях и переключиться на что-то интересное? – Лицо Сары осветила озорная улыбка. – Например, про твою вечеринку с ночевкой, Мод. Тебе нужна помощь?

– Мне кажется, все готово, – рассеянно сказала Мод. – Приглашения разосланы. Мы вызовем ту же кейтеринговую службу, что и раньше. Они отлично справляются уже много лет. Мне, наверное, даже заранее приходить к ним не нужно. Если честно, с учетом ситуации с Софией эта вечеринка кажется...

– ...отличным способом отвлечься? – перебила ее Сара и изобразила, будто обмахивается веером. – Одни официанты там чего стоят с этими их татухами и бородками, в хипстерских униформах в клетку. Знаете, девочки, два брата, которые владеют этим рестораном, – просто предел моих мечтаний, вышла бы замуж сразу за обоих.

Аманду не приглашали ни на какую вечеринку. Она в этом не сомневалась. Теперь она ерзала на диване, хотя силой воли и заставляла себя сидеть неподвижно.

– Да брось ты, Сара! – Вот теперь Мод по-настоящему засмеялась. – Я их обожаю, потому что они отлично делают свою работу. Но эти два парня как павлины, постоянно распускают хвосты. Тебя бы это бесило. Тебе же нравится, когда тебя любят. Вот Керри у тебя заботливый и милый.

– Я только лишь хочу сказать, что не возражала бы попробовать для разнообразия что-то погорячее.

– Ты же вроде уже попробовала разок? – Мод взмахнула ресницами.

Сара скорчила гримасу.

³ Программа «Воспитание испугом» – популярная в США методика работы с трудными подростками.

– В любом случае, Аманда, ты увидишь, почему я распинаюсь насчет официантов. Аманда неловко улыбнулась.

– Погоди-ка, Мод, ты ведь пригласила Аманду, да?

– О нет! – Мод спрятала лицо в ладонях. – Я была так поглощена тревогами о Софии, что взяла прошлогодний список гостей. Прости, Аманда! Разумеется, ты приглашена. Я сегодня же отправлю приглашения!

– Ты просто обязана прийти, – сказала Сара. – То есть отказываться нельзя. Конечно, мало что сравнится с моими чудесными блюдами в день рождения Керри и сказочными попоекками, которые мы устраиваем на каникулах. Но у Мод всем вечеринкам вечеринка. – Она многозначительно приподняла брови. – Это особая вечеринка. Настолько особая, что ради нее все даже отложили отъезд из города на День независимости.

– Да? – сказала Мод. – Я, наоборот, надеялась, что количество гостей уменьшится из-за общенационального выходного.

– Нет, Мод, твою вечеринку никто не пропустит. Вот насколько она особая.

– А что в ней такого особого? – поинтересовалась Аманда, но только потому, что Сара явно хотела, чтобы она озвучила этот вопрос.

– Ну, это типа вечеринка на тему летнего лагеря, но все с размахом: подарки для гостей, игры, тематическая еда, – сказала Мод. – Мы проводим такие вечеринки каждый год с тех пор, как София начала ездить в летние лагеря, то есть уже... семь лет, да? Сложно поверить, что уже столько времени. Она тогда была такой маленькой, всего восемь лет... Но ей отчаянно хотелось независимости... – Голос Мод сорвался, она снова волновалась о дочери.

– Ладно, Мод, – перебила ее Сара, взглянув в сторону Аманды. – Но я бы сказала, учитывая все *обстоятельства*, подарки для гостей – это самая неинтересная часть всего действа.

– Какие обстоятельства? – послушно спросила Аманда. – Ну, если вы не возражаете, что я задаю такой вопрос.

– Ой, можно я ей скажу, а? – взмолилась Сара. – Потому что я умираю, как хочу рассказать.

– Давай! – Мод закатила глаза. – Но то, что скажет Сара, тебя шокирует. Это необязательно соответствует действительности.

Сара вытянулась по струнке, положила ладони на стол и уселась с таким видом, словно собиралась сделать какое-то важное заявление. Ее глаза оставались закрытыми.

– Вечеринка у Мод – это... секс-вечеринка!

Она радостно распахнула глаза.

– Да брось ты! – со смехом закричала Мод. – Глупо ее так описывать!

– Если под словом «глупо»... – Сара тоже смеялась, – ты имеешь в виду «точно и емко», то да, глупо!

– Ничего не точно! – запротестовала Мод, но не слишком рьяно.

– Прости, но разве каждый год твои гости на вечеринке не занимаются сексом с кем-то, с кем не состоят в браке?! – строго спросила Сара. – Да или нет?

Мод состроила гримасу.

– Ну, это же не основная цель вечеринки, – сказала она. – А в твоих устах звучит как какая-то групповуха. Секс-вечеринка – это когда все приходят, раздеваются и расхаживают в масках.

– Хмм... – протянула Сара с лукавой улыбкой. – Когда ты так сказала, мне кажется, этот вариант даже лучше.

Теперь и Аманда смеялась. Они хохотали втроем достаточно громко, чтобы корытшка-официант оторвался от «Майн кампф» и бросил на них недобрый взгляд.

– Ладно, – проговорила Сара, задыхаясь от смеха. – Может, секс-вечеринка – это слишком подростковый термин, но мне он нравится. Тем более доля истины все же есть.

Мод потупилась:

– Ну да. Мы с Себом предоставляем второй этаж нашего дома во время ежегодной вечеринки с ночевкой для всех, кто решил там уединиться по обоюдному согласию. Занимаются ли люди сексом с кем-то, с кем не состоят в браке, пока их дети в сотнях миль от дома в летнем лагере? Наверное.

– Ой, хватит уже. Ты отлично знаешь, что занимаются, хоть потом все и отрицают. Тебе стоит пояснить, почему ты вдруг оказываешь такую услугу всем желающим. Тебе нужно обозначить контекст. – Сара мотнула головой в сторону Аманды. – Расскажи Аманде. Она не станет трепаться. Поверь мне.

– Мне ничего *не нужно*, Сара, – резко сказала Мод, и на миг показалось, что она и впрямь злится, но ее лицо почти сразу смягчилось. – Сара любит обсуждать мою сексуальную жизнь, поскольку у нее самой все строго.

– Каюсь, виновата! – Сара подняла руки. – Именно поэтому. Но если уж на то пошло, не у меня все строго, а у Керри.

– Можешь не рассказывать, если не хочешь, – сказала Аманда. – Правда.

Мод поколебалась пару минут, а затем тяжело вздохнула, и ее плечи обмякли.

– Нет, все нормально. Ты же близкая подруга. Мы с Себом время от времени занимаемся сексом на стороне. Всегда так было. Можно употреблять всякого рода эвфемизмы, но факт остается фактом. Да, у нас есть определенные границы и определенные правила, и нас все устраивает. Я не знаю, устроит ли такое другие семьи – почти не сомневаюсь, что нет. И нет, София не в курсе. Не потому, что мы считаем это дурным или неправильным, просто неправильно обсуждать свою сексуальную жизнь с пятнадцатилетней девочкой-подростком, как бы близки вы ни были. – Лицо Мод снова напряглось. – По крайней мере, я не думаю, что она знает... Не хочу, чтобы знала. Не хочу, чтобы она настраивала себя на открытый брак. Если она сама этого захочет, отлично. Но это совсем другая история. Мне пришлось уговаривать Себа. Но в любом случае это наша последняя такая вечеринка.

– Что? – ахнула Сара.

– Да, – твердо заявила Мод. – Мы давно еще решили, что когда София... короче, мы так решили.

– Но, Мод... – взмолилась Сара. – Мне нужны эти твои вечеринки. Единственное, что мне осталось, так это порадоваться за других. Я замужем уже целую *вечность*!

– При необходимости ты отлично и сама справляешься! – Мод скривилась.

– Очко в твою пользу. Мод намекает на тот раз, когда я «изменила» Керри. Очевидно, она хочет, чтобы я тебе рассказала.

– Ого, – выдохнула Аманда и поняла, что выглядит слишком шокированной. Но что поделать? Ее застигли врасплох. Она была потрясена, это правда. Сара изменяла Керри?

– Не волнуйся, Аманда. Керри в курсе. Мы это пережили, – сказала Сара с серьезной миной. – Под изменой подразумевается то, что я обжималась с тренером Генри по футболу несколько месяцев назад, и длилось это пару секунд.

– Ого, – снова повторила Аманда, не в силах подобрать слов, так она была поражена.

– Тренер говорил с ирландским акцентом, он всегда заигрывал со мной, и я не знаю... – Сара пожала плечами. – В любом случае Керри отнесся к произошедшему с пониманием.

– Поверить не могу, что ты ему рассказала, – заметила Мод.

– У нас с Керри нет секретов друг от друга. Это не в нашем стиле. Мы вместе в горе и в радости, – сказала Сара. – Ему было больно, явно больно, но он же знает, как сильно я люблю его. В итоге все закончилось тем, что он сказал: «Я принимаю твои извинения, давай двигаться дальше». И это так. Я его годами попрекала. Керри всегда был более великодушным, чем я.

– Он любит тебя, – сказала Аманда, хотя не собиралась.

– Ага! – Сара кивнула. – Единственный раз, когда Керри на меня действительно рассердился – это когда я пыталась порвать с ним в колледже. Вот тогда он разъярился. – Она озорно улыбнулась. – Это было так сексуально.

– Сексуально? – засмеялась Мод. – Извращение какое-то, Сара.

– Не знаю... все хотят милого парня, но не слишком милого, правда? – сказала Сара. – Было приятно обнаружить, что под тихой-мирной оболочкой скрывается настоящий лев.

– Он бросает все и бежит делать то, что ты ему скажешь, – сказала Аманда.

– Так мужья и должны делать то, что им говорят, Аманда, – с досадой возразила Сара. – На то они и мужья. В этом вся соль.

– Я тебя умоляю! – воскликнула Мод. – Себ пальцем о палец не ударит, пока я не психану.

– Ну, Себ – это Себ, знаешь ли. – Сара вновь принялась обмахиваться. – Я бы позволила ему игнорировать все мои просьбы, лишь бы ходил без рубашки.

– Заткнись! – Мод в шутку бросила в Сару скомканную салфетку.

– Слушай, может, вы спокойно живете в открытом браке потому, что Себ – акушер-гинеколог. Ну, то есть он и так смотрит на чужие вагины?!

– Сара, фу! – Мод снова засмеялась, ее щеки порозовели.

– Я серьезно! – воскликнула Сара. – Это серьезный вопрос.

– Предпочту на него не отвечать! Спасибо! – Мод повернулась к Аманде: – А у тебя как, Аманда? Какой он, твой Зак? Поверить не могу, что мы пока так с ним и не познакомились.

– А я могу! – Сара хмыкнула. – Вторая половинка Аманды – призрак. – Но она тут же поправилась: – Прости, Аманда, это было... мне не стоило так говорить. Но что я, черт побери, знаю? Удачный брак – тот, который смог продержаться. И никто из нас не знает, долго ли продержится его брак, пока все не сказано и не сделано.

– Продержаться? – тихо переспросила Мод. – Это все, к чему мы стремимся.

– Заниженные ожидания – вот секрет счастья. – Сара подмигнула.

Впервые в жизни Аманде не казалось, что в браке нужно стремиться к идеалу. В конце концов подруги доверились ей и рассказали правду о своих семьях. Так что Аманда тоже может признаться хоть в чем-то.

– Зак очень много работает. Сара права. Мы порой почти не видимся.

Мод ласково улыбнулась.

– Как говорится, разлука большую любовь разжигает, – заверила она. – Но я надеюсь, что ты придешь на вечеринку. Вместе с Заком, разумеется. Что бы там ни говорила Сара, у нас весело, даже если вообще не подниматься наверх.

Аманда улыбнулась:

– Я обязательно приду. Спасибо.

– Ты слышала, как познакомились Мод и Себ? – спросила Сара у Аманды.

– Нет. – Аманда посмотрела на Мод.

– Это я пытаюсь спастись от того, что принизила их брак своим пошлым вуайеризмом, – сказала Сара. – Потому что это самая романтическая история из всех.

– И как же вы познакомились? – спросила Аманда.

– О, это и правда хорошая история, – задумчиво протянула Мод. – Я училась в магистратуре на историка в Колумбии и как-то раз отправилась на вечеринку, а там вдруг ни с того ни с сего рухнула без чувств, ударившись башкой о книжную полку и разлив напитки. Со стороны, разумеется, могло показаться, что я пьяна, но вообще-то я была трезва, как стеклышко.

– И Себ *спас* ее! – мечтательно воскликнула Сара. – Подхватил ее и нес на своих сильных руках, словно невесту, до Колумбийского Пресвитерианского госпиталя, где был интерном. Он спас ей жизнь!

– Он не спасал мне жизнь, – возразила Мод, – но доставил меня в больницу. Ему и правда пришлось меня тащить. А еще он заставил меня немедленно осмотреть.

– С тобой все было нормально? – спросила Аманда.

– Оказалось, что у меня диабет. Он всегда был, просто до того момента я знать не знала.

Но теперь все под контролем.

– А остальное, как говорится, уже история, – добавила Сара томным голосом.

– Ого! – Аманде вдруг стало грустно. – Как романтично!

– Да ведь? – встряла Сара. – Мод, ты должна чаще рассказывать эту историю, но опускать ту часть, где Себ, возможно, уже становится миллиардером благодаря тому стартапу. Я на твоём месте размахивала бы ею, как флагом.

– Ну, не знаю... Мы с Себом так часто ссоримся в последнее время... – Мод уставилась куда-то вдаль. – Такое чувство, будто все это было не с нами.

– Ссоритесь? – переспросила Сара. – Я думала, вы никогда не ссоритесь.

– Вообще да. Но из-за всей этой ситуации с Софией... Себ любит ее, но ничего ей не запрещает. В Европе так принято. Лично он считает нашу дочку взрослой. А для меня она малышка. Мне все равно, сколько ей лет, мне всегда будет хотеться отогнать прочь все ее проблемы, и я не думаю, что в этом есть что-то неправильное.

Сара хотела что-то сказать, но Мод подняла руку в предостерегающем жесте:

– Не сегодня, ладно, Сара?

– Подростки. Вот и все, что я собиралась сказать, – не удержалась Сара. – Они разрушают все вокруг. Как было у вас с Заком, Аманда? Как вы познакомились? Если честно, вы такие... разные.

– Я подрабатывала летом администратором в отеле в северной части штата, – начала Аманда.

За эти годы она отточила некоторые детали, чтобы история выглядела более пристойной. «Администратор» звучит лучше, чем «горничная», а «отель» лучше, чем мотель. Но еще важнее была вставка про «лето», это помогало избежать поднятых бровей и поджатых губ, которые следовали за признанием, что она не доучилась в старшей школе.

– Зак остановился в этом отеле, когда решил полазать по горам Адирондак перед тем, как переехать в Калифорнию.

– В Калифорнию? – спросила Сара. – У вас сначала завязались отношения на расстоянии?

– Нет, он выписался из номера, и я уехала с ним, – простодушно ответила Аманда.

– Сразу после знакомства?

Черт. Обычно Аманда опускала эту часть. Почему сегодня?

– Ну, не в ту же секунду, но достаточно быстро.

– Любовь с первого взгляда! – Мод улыбнулась. – Очень романтично.

Сара хмыкнула, с сомнением глядя на Аманду, но, видимо, решила не развивать тему.

– Ну, думаю, Заку для начала лучше прийти на ужин по случаю дня рождения Керри. Я ему и пяти слов не сказала, хотя он мой босс.

– Он не твой босс! – возразила Аманда.

– А как же?! Это его фонд, я работаю на вас обоих. Я же не против. Но ему надо как-то проявляться. Ты одна из моих ближайших подруг.

Аманда выдавила из себя лучезарную улыбку. Одна из ближайших подруг. Она хотела бы, чтоб это было так.

– Он придет.

Это ложь. Разумеется, Зак не придет. Сара действовала из лучших побуждений, но Аманда четко дала понять, что у него очень плотное расписание. Иногда ей казалось, что Сара пытается помочь им скрепить отношения. Но если честно, то ничего скреплять не нужно. Брак Аманды и Зака и так был прочным. Они оба получили то, что хотели. Может быть, это не совсем то, что должны получать супруги в браке. Но ведь их брак долго продержался, разве нет?

– А сколько лет вы с Керри вместе? – спросила Аманда в надежде сменить тему.

– Тридцать три, если считать с тех пор, как мы начали встречаться. Нам было по пятнадцать лет, когда мы познакомились. Поженились мы двадцать шесть лет назад, когда ты была зиготой, Аманда, – сказала Сара, подперев рукой подбородок. – Если и есть хоть какое-то оправдание, почему я позволила футбольному тренеру лапать меня за зад, то это оно.

– В моей истории тоже есть нечто особенное, – сказала Аманда. – У меня есть подруга Кэролин, с которой мы дружим с самого детства.

– Да, время укрепляет дружбу, – Сара кивнула, – но не романтику.

– Кэролин тоже жила на севере штата, вы росли вместе? – спросила Мод. – Напомни, как назывался твой родной город?

– Сент-Коломб-Фоллс. Она, кстати, сейчас живет в Нью-Йорке.

– Правда? – спросила Мод. – Ей нужно как-нибудь выбраться вместе с нами! Я была бы рада с ней познакомиться.

– Мы с ней видимся не так часто, как хотелось бы, – пояснила Аманда. – Она не замужем и живет на Манхэттене.

– Мы можем разговаривать о чем-то, кроме мужей и детей, ты же знаешь, – заверила Сара. – До Бруклина отлично можно добраться на метро. Ну, или на такси.

– Разумеется. – Аманда, если честно, и сама не знала, почему никогда не звала Кэролин. – Я ее обязательно приглашу.

– Может, на секс-вечеринку Мод. Чтоб мы ждали и волновались, – Сара улыбнулась. – Не исключено, что в этом году даже я воспользуюсь шансом и поднимусь по запретной лестнице, если вы завязываете с вечеринками, Мод. Это может быть мой последний шанс.

– Я тебя умоляю! – Мод отмахнулась. – Это не про вас с Керри.

– Это не про Керри, – Сара снова подмигнула. – Но, может, хоть разок про меня.

Лиззи

7 июля, вторник

По дороге из Бруклинского уголовного суда в дом Зака я заскочила к себе. Ну, скажу вам по секрету, мой дом не совсем по дороге, однако замечание Адама, что в любом браке есть проблемы, заставило меня задуматься о собственном. Не исключаю, что я могла бы простить Сэма за то, что он вылетел с работы, и даже за то ДТП, но нельзя было снова начать бухать. Не то чтобы я его простила за все вышеперечисленное. Я это понимала, Сэм тоже. Просто я загнала поглубже негодование и гнев. Я отлично умею хоронить всякие неприятности.

Сэм тогда раскроил себе череп – дальше падать некуда. Теперь пора в лечебницу. Или еще куда-то. Придется предъявить ультиматум – или я, или алкоголь... Трижды я проглатывала обиду и теперь готова наконец закатить Сэму взбучку. Я уже стояла на пороге, когда зазвонил телефон. Номер не определился. Сэм спасен в последнюю минуту.

– Лиззи слушает.

– Это помощник окружного прокурора Стив Гранц, – сообщил мужской голос. – У меня тут сообщение от Пола Гастингса. Он просил позвонить вам, только я понятия не имею, на хрена. В духе Пола.

Как я понимаю, это окружная прокуратура Бруклина. Вот они, связи Пола. Может, он и не собиравшись корпеть над делом по ночам, но помогал по-другому.

– Большое спасибо, что позвонили, – сказала я. – Одного нашего подзащитного обвинили в нападении на офицера в Бруклине. Мы надеялись на подробности.

Моя работа – раскрутить Стива на информацию по делу Зака: обвинения, доказательства, имя прокурора, сделка, на которую готово пойти обвинение. Не потому, что *мы* заинтересованы в сделке, это лишь способ понять, насколько все на мази у окружной прокуратуры. Чем сильнее их позиция, тем слабее желание пойти на сделку. Прошу заметить, сильная версия обвинения необязательно отражает истину. В роли прокурора никогда умышленно не станешь преследовать никого, в чью вину не веришь. Но твоя работа – выстраивать дело так, чтобы выиграть. Это значит, что правда порой искажается, а иногда очень сильно меняется

– Собсна, я удивлен, что Пол чё-то позабыл в суде штата, тем более в Бруклинском, – сказал Стив.

– Держится на безопасном расстоянии, выступая только в роли консультанта.

– Вот это похоже на старину Пола! И кто у нас обвиняемый?

– Зак Грейсон. Это был несчастный случай. Офицер даже не хотел подавать жалобу. Но кто-то другой, возможно, помощник окружного, настоял на аресте. Теперь его удерживают в Райкерсе и отказали в выходе под залог.

– Да, попасть в Райкерс – это непруха, – будничным тоном сказал Гранц, стуча по клавишам на заднем фоне. То, что он оставался таким бесстрастным, означало, что кто-то из коллег грел уши. Наконец он произнес: – Ага, вот оно. Погоди-ка, это дело с Центр-Слоуп?

– Ну да, они живут на Центр-Слоуп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.